
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Сношения с Польшею после турецкого нашествия. - Рознь литовских сенаторов с польскими по поводу мира с турками. - Поляки требуют от Москвы сильной помощи. - Литовский гетман Пац советует не подавать этой помощи и обещает поддаться со всею Литвою государю русскому. - Свидерский - первый польский резидент в Москве. - Стольник Тяпкин - первый русский резидент в Варшаве. - Кончина короля Михаила. - Вопрос об избрании царевича Феодора Алексеевича на польский престол. - Условия избрания. - Переговоры о них. - Затруднительное положение Тяпкина и его жалобы. - Королевские выборы. - Избрание Яна Собеского в короли. - Разные вести о расположении нового короля к Москве. - Посольство Венславского в Москву. - Съезды уполномоченных в Андрусове. - Поляки делают неудовольствия Тяпкину и страшат его миром короля с турками. - Жалобы Тяпкина на продажность поляков: он умоляет Матвеева отозвать его. - Поездка резидента к королю во Львов. - Сын Тяпкина польско-латинскою речью благодарит короля за школьную науку. - Разговоры старика Тяпкина с панами. - Злой ответ его гетману Пацу, смеявшемуся над русским войском. - Обращение короля с русским резидентом. - Поведение поляков по удалении неприятеля. - Сношения царя Алексея с Австриею, Швециею, Даниею. - Мысль о заведении флота на Балтийском море. - Сношения по этому поводу с Курляндиею. - Сношения с Голландиею, Англиею, Фризицею, Испаниею, Италиею.

Царское войско действовало на Днестре и на Дону для исполнения договора, заключенного с Польшею. Польское правительство во все это время требовало более деятельной помощи, требовало соединения русских войск с своими для дружного действия против турок; но мы видели, как решительно противился этому соединению гетман Самойлович, да и вести из Польши, как увидим, не могли заставить московское правительство действовать наперекор желанию гетмана и козачества малороссийского. В январе 1673 года, по донесению гонца Протопопова, у короля был генеральный съезд сенаторов и послов. Сенаторы коронные на раде говорили, чтобы нынешнею весною с турецким султаном войны не вести, а дать гарач (дань), потому что весна уже наступает, а войска в готовности нет; лучше, собравшись с силами, выступить на другой год. Но литовские сенаторы говорили: "Если нынешнею весною против неприятеля не выступить и дать гарач, то он, взяв гарач, по давнему своему бусурманскому замыслу пойдет на царскую Украину, и тогда будет нарушен договор со стороны королевской; лучше гарач употребить на заплату войску и выступить против неприятеля. Если вы, коронные, подлинно хотите поддаться бусурману, то объявите, а княжество Литовское никогда под игом бусурманским не бывало и теперь не будет.

Если мы у вас не увидим верной службы и старания к обороне отчизны, то княжество Литовское отделится от Короны и от бусурманской неволи освободится милостию царского величества, лучше быть под его самодержавною рукою, чем под игом бусурманским". Ханенко бил челом в подданство великому государю и говорил: "Объявил мне гетман литовский Михайла Пац, чтобы я от его стороны не отлучался, ибо в Короне Польской многие сенаторы явились губителями отчизны и продавцами; от этой продажи Корона Польская приходит к концу; если мы не увидим от поляков искреннего старания о защите отчизны, то будем просить великого государя о принятии нас в подданство". Литовцы уже назначили двоих послов к царю, витебского воеводу Храповицкого и троицкого воеводу Огинского.

В Москве королевский посланник Иероним Камар в тайном разговоре с окольным Матвеевым и дьяками объявил, что султан, напавши на Польшу внезапно, принудил короля к тяжкому договору. Но, несмотря на всю тяжесть договора, король и Речь Посполитая не могут его нарушить, не будучи обеспечены союзом соседних держав, причем король надеется всего больше на царское величество и требует его совета, сохранять ли мир? Если же нет, то требует сильной помощи, по крайней мере тысяч сорок войска с добрыми воеводами и многочисленным нарядом, потому что нельзя ждать неприятеля к себе, а надобно искать его в его собственных владениях; надобно, чтобы король, предводительствуя войсками коронными, литовскими, доброжелательными козаками и посполитым рушеньем, соединился в Валахии с войсками царскими и цесарскими: первые вступят туда через Украину, а вторые через Венгрию. Так изволил бы великий государь объявить число своего войска, число пушек, имена воевод и чтобы войско это к первым числам мая стояло уже на волошской границе.

Матвеев отвечал, что все условия последнего договора о помощи исполнены свято: калмыки и черкесы, по царскому указу, бьют хана, на Запорожье отправлены запасы и чайки, на Дон послан думный дворянин Больного-Хитрово со многими знатными людьми, чтобы промышлять над турками вместе с донскими и запорожскими козаками морским и сухим путем. Узнавши о взятии Каменца, великий государь разослал гонцов своих ко всем окрестным государям христианским, призывая их к союзу на турок для помощи королевскому величеству; не дождавшись от них ответа, не заключив с ними договора и не укрепившись присягою, царскому величеству нельзя подать помощи королю, кроме той, которая уже беспрестанно подается с великими убытками для царской казны. Удивляемся мы, что ты спрашиваешь совета - сохранять ли договор с султаном, тогда как существует договор между царским и королевским величеством - одному государю без другого не заключать мира ни с султаном, ни с ханом! Если же государь ваш был к этому договору принужден, то все же ему следовало бы, до заключения договора, как можно скорее обослаться с царским величеством: а то нам до твоего

приезда не было никакой от вас вести о договоре, да и ты не привез нам статей его. А нам хорошо известно, что в договоре с султаном, между прочим, постановлено, что Украина по старым рубежам остается за козаками; такой статьи вносить в договор не годилось, потому что Украиною по этой стороне Днепра владеет великий государь наш. А теперь спрашиваете - сохранять ли этот договор или нет? Неужели это значит поступать по-братски и по-приятельски? Царскому величеству нельзя выслать своей рати, не дождавшись ответа от других государей; нельзя и потому, что у короля и Речи Посполитой с первым сенатором Короны Польской, Николаем Пражмовским, архиепископом Гнезненским да с гетманом Собеским и с другими сенаторами и шляхтою учинилось междуособное несогласие и до сих пор не усмирено.

Весною поехал в Москву подьячий Возницын с объяснением, что царское величество разослал грамоты ко всем окрестным государям с приглашением вступить за Польшу. Подканцлер литовский Михайла Радзивилл говорил Возницыну: "Донеси царскому величеству от имени королевского: его королевское величество, вся Корона Польская и мы, сенаторы, обретаемся в доброй приязни к его царскому величеству; чтобы царское величество не верил изменнику гетману Пацу, который ссорит вашего государя с нашим. Пац из зависти, видя воинственного и таким фальшам неподатного государя, царскому величеству как будто верность свою показывает, подданство обещает и на вражду с королем и Коронай Польской приводит. Пац не только желает вражды между вашим и нашим государями, но и придал мужества неприятелю Короны Польской и всего христианства: потому что Дорошенко, узнавши, что он отступил от короля из-под Бара с некоторыми хоругвями, дал знать хану, что литва вся отступила, и хан, по этой вести, уже приближается к нашим границам. Хан требует, чтобы государь наш помирился с султаном, уступив ему Украину и Подолию, и отворил путь в государство Московское; король отвечал на это, что хан, если хочет, пусть договаривается с ним о мире в поле, а он, король, надеется на добрую приязнь царского величества и пути в государство Московское никогда не отворит. По разглашению изменников великий государь ваш опасается соединить свои войска с нашими против неприятелей креста святого. В полки наши и в государство царские воеводы присылают для проведывания вестей. Эти лазутчики, наслышась неведомо от кого неразумных вестей, приносят их в Московское государство: великий государь не верил бы ни литве, ни этим вестовщикам, но ради бога и своей бессмертной славы умилосердился над всем христианством, а особенно над невинными душами нашего народа, изволил бы подать помощь королевскому величеству и соединить свои войска с войсками Речи Посполитой. Весь свет назовет его за это не только братом, но и отцом королевскому величеству, а мы бы за такую милость не стали на комиссиях много упоминать о городах наших, находящихся теперь в стороне царского величества". И гетман Пац говорил Возницыну: "Извести ближнему боярину Артемону Сергеевичу Матвееву, чтобы царское величество изволил поскорее подать нам помощь с тылу на общего

неприятеля, потому что государству нашему приходит последнее разоренье; а я со всем войском к королю пойду, когда уже иначе быть не могло, а потом выдам универсалы и на посполитое рушенье; только без помощи ваших войск, одним нам такого сильного неприятеля не сдержать; а если великий государь войскам своим наступить с тылу на погань не укажет, то нам придется заключить мир на всей воле турецкой, что и вашему государству будет небезопасно".

Гонец подьячий Бурцов, бывший летом в Польше, привез вести: король в Варшаве небезопасен; сенаторы по-прежнему поднимаются, короля почитать не хотят, бранят его, называют невоинственным. Гетман Собеский, презирая королевские листы и посыльщиков, зовущих его в Варшаву, не едет. Кто противен королю, те приезда гетманского с радостью ожидают, кто за короля, те не хотели бы и на свете видеть Собеского. Епископ волошский и посол молдавский были у Бурцева и говорили: "Присланы мы к королю с просьбою, чтобы поспешил походом, а наши государи в союзе, и наготове у них войска 8000; если бы только показались польские войска, то мы бы со всеми христианами обратились на турка. Но нам здесь чинят проволоку, ответа никакого не дают, отговариваются отсутствием гетмана Собеского, всю силу полагают в нем. От такой задержки нам может быть беда, потому что посланы мы тайно, узнают о том турки, то не только нас с домашними смерти предадут, и самих господарей не пощадят. Видится нам, что господа сенаторы не только нас из-под ига бусурманского не освободят, но и сами не хотят ли добровольно турку поддаться. Если бы мы жили так погранично с государствами царского величества и присланы были к нему, то, конечно, отпуск нам был бы скорый и намерение наше от царского престола отринуто не было". Говоря это, епископ и посол плакали. В Вильне гетман Михайла Пац объявил Бурцеву иное, чем Возницыну: "Чтобы царское величество поход свой на турка удержать изволил, изволил бы оставаться в Москве, чтобы лишних мыслей иным не прибывало. Чтобы войну с турком около границ киевских изволил вести и отпор давал через бояр. Чтобы не велел войскам своим переходить за Днестр, чтобы такую стремительностию не облегчить Польши и не навлечь на себя большей тяжести. Чтобы царские войска под Белою Церковью или в других местах с войсками коронными не соединялись: а то лукавым не пришло бы в голову сделать так же, как под Чудновым. Чтобы царские войска не наступали на турок без задору с их стороны, а смотрели бы, что будет делаться у коронных? Прямо ли станут оборонять отчизну свою от турок? Чтобы царское величество изволил приказать в приеме Дорошенка наблюдать осторожность, потому что Дорошенко бьет челом и королю, а мы считаем его другом Собескому. Я к войне на турка готовлюсь, только литовские войска с коронными соединяться не будут. Если еще немного продлится непостоянство коронных и нерадение, то я со всею Литвою поддамся царскому величеству".

В августе приехал в Москву от короля покоевый дворянин Павел Свидерский с небывалым характером - резидента. "Я прислан резидентом, - объявил Свидерский, - для удобнейшей обсылки с королевским величеством, особенно теперь, когда король этот год будет находиться в обозе, чтобы царское величество знал обо всех движениях короля и его войск, и, наоборот, чтобы королевское величество знал обо всех намерениях царских. Еще давно, при договорах Андрусовских, Ордин-Нащокин предлагал установить резиденцию, для чего и почта была учреждена, и Тяпкин уже был назначен резидентом к королю Яну-Казимиру". Свидерский потребовал, чтобы ему был вольный доступ к царскому величеству, ко всем боярам, окольниковым, воеводам и думным людям, вольный разговор с резидентами и послами окрестных государств, чтобы ему давали овес, сено и дрова, стол же будет иметь на счет короля и Речи Посполитой. Ему отвечали, что как скоро присланы к нему будут от короля государственные грамоты, то с ними он будет иметь доступ к царскому величеству; с боярами, окольниковыми и думными людьми, также с иностранными послами и резидентами может видаться, только прежде должен давать знать об этом в государственный Посольский приказ.

В Варшаву резидентом отправился стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин, при нем в дворянах сын его, жилец Иван, переводчик, подьячий, черный священник с антиминсом и полною церковною службою и шесть человек стрельцов. На дороге в Смоленске, 24 ноября, Тяпкин узнал о кончине короля Михаила, дал знать об этом в Москву и получил указ отправляться на место назначения. В Орше его остановили на основании предписания панов радных - не пропускать иностранных послов в Варшаву по случаю смерти королевской. Но Тяпкин, зная только указ своего государя, отправился далее на своих подводах и без пристава. 30 января 1674 года въехал Тяпкин в Варшаву, и чрез несколько дней принесли ему сочинение на польском языке, рассуждавшее об избрании царевича Феодора Алексеевича на польский престол. "Славные оба народа языком и обычаями в вере мало рознятся, живут на одной земле, не разделены морем и никакими неудобопроходимыми рубежами; по большей части соседи у них общие, и могли бы они стать неодолимою стеною христианства против силы бусурманской, когда бы между собою заключили союз вечный. Союз этот может быть заключен, если старший сын терский сделается королем польским и великим князем литовским. Потому указывается старший сын, что царское величество, будучи еще в цвете лет, может долго управлять своими государствами и воспитать меньшего сына; а, с другой стороны, нравы и обычаи отчизны нашей, особенно в нынешнее время, требуют государя уже возрастного. Побуждения к союзу: союз с домом австрийским, с которым у царского величества давно уже дружба, может быть еще более скреплен супружеством царевича со вдовствующею королевою польскою, эрцгерцогинею австрийскою. Союз между тремя государствами поведет к счастью и обогащению подданных посредством свободной и безопасной торговли. Соседям всем страх, особенно турку. Открытый путь к

распространению всех этих государств без взаимной обиды и ненависти. Помощь общая и скорая. Надежда наследства польского и литовского для потомства царевича, ибо хотя в Польше правление избирательное, однако не было еще примера, чтобы обходили сыновей королевских, напротив, отыскивали их в монастырях и вымаливали у папы позволение возвести их на престол. Освобождение греческих и славянских народов из неволи бусурманской. С другой стороны, если царь не согласится на этот союз, то поляки могут выбрать себе государя из дому французского; этот государь не будет дружен ни с цесарем, ни с царем, потому что корона французская в союзе с султанами турецкими, также в союзе с королевством Шведским".

6 февраля Тяпкин отправился к архиепископу-примасу в присланной за ним карете шестеркою; с ним вместе в карете с левой руки сидели пристав и переводчик; перед каретою верхом с государевою грамотою ехал жилец Иван Тяпкин с двумя подьячими, перед грамотою ехали дворяне королевские, 20 человек, а за каретою шли московские стрельцы с бердышами и посланниковы люди. Первая встреча была у крыльца, у самой кареты, другая - в сенях, третья - в дверях палатных; при каждой встрече говорили гостю: "Его милость ясноосвещенный арцыбискуп вас, его царского величества посланника, ожидает с любовию". Сам архиепископ с пятью сенаторами встретил Тяпкина среди палаты. "Великий государь, - начал посланник, - вам, примасу и первому князю, и всем вам господам сенаторам и целой Речи Посполитой свою царскую милость обещает на всякое время и велел мне вас навестить и спросить о вашем здоровье". Архиепископ и сенаторы стояли все без шапок и слушали посольство со всякою учтивостию. Посланник поднес архиепископу грамоту великого государя в тафте; тот, приняв грамоту, спрашивал о здоровье великого государя, говорил речь, именованье и титул по письму сполна. Когда Тяпкин ответил, что царское величество в добром здравии, то примас спросил: "Великого государя бояре и вся Дума их по здорову ль?" "Бояре и все думные люди в благоденствии и добром здравии пребывают", - отвечал посланник. Следовал спрос о здоровье и путешествии самого посланника; когда Тяпкин ответил, что "милостию божию и великого государя жалованьем в путном шествии поводилось во всем здраво и благополучно", архиепископ и сенаторы сели по местам, велели сесть и посланнику среди палаты против архиепископа. Посидевши немного, посланник встал и объявил, что он прислан резидентом, точно так как Свидерский прислан в Москву. Канцлеру литовскому Кристофу Пацу Тяпкин подал статьи, чтобы ему быть в Варшаве в таком же положении, в каком Свидерский находится в Москве: "Великий государь вашему резиденту позволил вольный доступ к себе, к своим ближним людям и к иностранным резидентам, конский корм указал давать понеделно и дрова помесячно, по пяти четвертей московских овса да по пяти возов битых сена на неделю, дров на месяц по 20 возов; кроме того, дано денежного жалованья на три недели с приезда его, по 70 рублей на неделю".

В то же самое время в Москве посланник литовского гетмана Паца Августин Константинович подал Матвееву условия, на которых царевич Феодор может быть избран в короли польские: 1) принятие католицизма; 2) вступление в брак со вдовою покойного короля Михаила; 3) возвращение всех завоеваний; 4) соединение сил против турок и денежное вспоможение Польше. Отвечал посланнику ближний боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий: "Великий государь сыну своему на Короне Польской и Великом княжестве Литовском быть не изволяет, а соизволяет быть государем сам, своею государскою особою в православной христианской вере восточной церкви. Быть королю католиком - эта статья трудна с обеих сторон: на коронации у вас король присягает не притеснять никого в вере, если же присягу нарушит, то этим подданных от подданства увольняет, а если быть королю и греческой веры католиком, от этого между восточную церковию и западным костелом преломление, чему никаким образом сделаться нельзя". "Между греческою и римскою верою, - отвечал посланник, - мало разницы; только в королевстве Польском всегда бывали короли-католики, точно так как и другие окрестные государи держат также католическую веру, и об этом можно договориться". "Станут духовные съезжаться для постановления о вере, пройдет много времени, - сказал Долгорукий. - Великий государь хочет быть государем польским и литовским в греческой вере, а Речи Посполитой все права и вольности подтверждает. Что прежние польские короли были католиками и что другие окрестные государи католики, то не пример; которые у великого государя подданные римской, люторской, кальвинской, калмыцкой и других вер служат верно, тем никакой тесноты в вере не делается, за верную службу жалует их великий государь". "В Польше и Литве никогда не бывало государей греческой веры", - повторял посланник. "Бывали разных вер, - отвечали ему, - сам ты говорил, что между греческою и римскою верою мало разницы, следовательно, государю греческой веры у вас быть можно; можно быть и потому: в последнем договоре с султаном вы обязались давать ему гарач, следовательно, сделали его себе государем. Об условии, чтобы царевич вступил в брак с королевою, говорить нечего, потому что королем хочет быть сам государь. О возвращении завоеваний будет договор в то время, как приедут к царскому величеству польские и литовские послы. Что же касается до вспоможения казною, то до сих пор войскам государевым, которые помогают Короне Польской, розданы многие тысячи миллионов. Царское величество делает это теперь только для имени христианского, а когда будет государем польским и литовским, тогда совесть понудит его оборонять своих подданных как своими, так и чужеземными войсками. Все доходы королевские государь велит собирать Речи Посполитой на наем войск, а сам будет довольствоваться своею царскою казною". Константинович был отпущен с ответом: "Великому государю не только для короны Польской и Великого княжества Литовского, но и для целого света нельзя оставить благочестивой веры греческого закона; быть у вас государем царское величество изволяет сам, а сына своего отпустить не соизволяет; следовательно, королеве замуж

выходить не за кого, а как ей жить, о том договорятся комиссары с обеих сторон. Когда царское величество будет государем во всех трех государствах, то рубежей разделять не для чего. Права ваши и вольности не будут нарушены, а при коронации сенаторы и вся Речь Посполитая присягают в верной службе и послушании; в уряды ваши и маестности великий государь никогда вступаться не будет и никому не велит. Когда царское величество будет вашим государем, тогда Польшу и Литву станет оборонять от всяких неприятелей своими ратными людьми, не требуя из скарбов коронных и литовских никаких податей; коронные и литовские войска должны помогать государевым ратным людям на всякого неприятеля равным числом на коронных и литовских проторях, потому что великий государь никаких поборов и податей, которые сбирывались в казну королевского величества с его экономий, в свою казну собирать не изволит, а укажет всякие поборы и подати раздавать ратным людям. Ты упоминал о даче миллионов Речи Посполитой; но великий государь владеет своим Российским государством и впредь его содержать может по своему бодроопасному разуму без приискивания иных государств куплею; так эту торговлю Речь Посполитая оставила бы. Если Речь Посполитая хочет иметь у себя государя премудрого, благочестивого, в ратных делах искусного, многонародного и всякими годностями в Европе цветущего, то пусть обратится к царскому величеству, пусть пришлет послов своих с прошением, а государь отправит на елекцию своих послов с полною мочью, которые и станут договариваться".

К Тяпкину в Варшаву послан был список этих статей с наказом: повидаться с гетманом Пацом и говорить ему, чтобы он великому государю раденье свое показал и свою братью панов и Речь Посполитую приводил, чтоб они избрали себе государем царское величество именно на этих статьях.

4 марта написан был этот наказ Тяпкину, который, между тем, находился в затруднительном положении, не получая никаких грамот из Москвы; 25 февраля он обратился с жалобой к Матвееву: "Милостивый государь, отец и благодетель мой Артемон Сергеевич! Преславши обыкновенное пренижайшее рабское мое поклонение тебе, милостивому моему государю, от превышнего господя бога яко многолетнего здравия, так и счастливого и добропомысленного господствования усердно тебе, государю, присно желаю. По своей, государь, велией ко мне отеческой милости изволишь ведать: и я на службе великого государя в Варшаве за помощь божию и его государским жалованьем и твоим, света и государя отца моего, милостивым заступлением жив до воли вседержителя нашего; только никогда не могу беспечален быти, понеже чрез многия почты не токмо вижу писания, ниже слышу о твоём, государя моего, здравии, которого сердечно, любовною моею охотою рад бы на всяк час слышать и о нем веселиться, яко неотменный раб и желатель твоей, государя моего, милости. Понеже убо вся вещи ветхость сдает, а благодеяния же точию память во веки старетися не имать: сиче же и у мене искушенная твоя, государя моего, отеческая благодать, ея же должен есмь в сердце моем

имети, даже и до последнего издыхания моего. Наипаче же о сиротстве моем с плачем прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради так забвен есмь? Яко николи же чрез многие почты не имам и на отписки и вестовые письма мои из Минска, и из Вильны, и из Варшавы никакого государского указа по се число ко мне не бывало и ни единые ни о чем ведомости не имел: а сенаторы, государь, беспрестанно спрашивают, а наипаче о войсках его царского величества. От них только что услышу, а сам во время безвестен пребываю, от чего и зазор себе немалый пред другими резиденты имею, понеже ко всем чрез всякую почту письма доходят, а я уже в Варшаве по се число живу четвертую неделю, ни о чем не слышу. Пожалуй, премилостивый государь, отец мой и благодетель, не прогневишь на грубое письмо и прошение мое, вели, государь, хотя малое, что надлежит до ведомости мне, посылать чрез всякую почту. Послов безмерно на елекцию желают и говорят о том мне, чтобы я к тебе, государю, писал; а референдарь литовский, Павел Бростовский, с великим прошеньем говорил мне и велел к тебе, государю, нарочно отписать, чтобы ты изволил с ним дружество иметь и любительным письмом ссылаться, крепко, государь, желает твоей приятной милости и частого писанья".

Жалуясь, что не получает известий из Москвы, Тяпкин должен был жаловаться на поляков, что не дают ему вовремя посылать писем в Москву и что трудно получить от них правдивые известия. "Варшавский *почтомайстер* две почты, не сказав мне, отпустил, - жаловался резидент Матвееву, - сказал нам, что отпустится почта в среду: я изготовил письма и послал в среду рано к почтомайстеру, а он уже почту отпустил еще в понедельник! Все это они делают для своих лакомых подарков, которых много надобно в год, если придется всех дарить. Думаю, что их резидент не очень много передарил наших: а здесь услужит каким-нибудь пустяком, пустую вестичку принесет и уже смотрит, чтоб ему дали: таких лакомых и лживых людей и между погаными трудно найти. Я не только варшавскому, но и минскому, и виленскому почтомайстеру добрые подарки дал, чтобы только писем наших не задерживали; также и от других людей, что куплю, то и проведаю, и, бог весть, как вперед жить будет с такими лакомцами". Тяпкин жаловался, что ему дают мало денег на дрова и конский корм, который в Варшаве гораздо дороже, чем в Москве, именно давали по четыре рубля в неделю. Свидерский в Москве имел у Матвеева два дня в неделю - воскресенье и среду, а Тяпкину литовский канцлер Пац, назначил только один раз в неделю, в воскресенье после обеда; Тяпкин потребовал у Паца, чтоб позволено ему было посылать в их канцелярию переводчика и подьячих для проведывания вестей, также чтобы присылали к нему *авизы* для прочтения; но Пац отвечал, что у них канцелярии нет и авизов никаких не бывает, а если нужно будет резидента о чем уведомить, то это будет сделано во время приезда его к канцлеру в воскресенье, в случае же крайней необходимости канцлер за ним пришлет нарочно. "Поэтому, государь, и людей Свидерского не надобно пускать в Посольский приказ, - писал Тяпкин Матвееву. - Отнюдь нималого приятства от канцлера себе,

кроме гордости, не имею. Только архиепископ zelo человек благоуветлив, учтив и низок; также и гетман литовский Пац, и маршалок литовский Полубенский ласковы мне явились, обсылали меня кормом, овощами и питьем". Жалобы не прерывались: "Житье наше в Варшаве яко единым от убогих: никакого призрения и почтения не имеем; против господина Свидерского и вполовину не дано; разве вперед нам лучше станет, когда король будет, а теперь очень мы им непотребны, только потому отказать не смеют, что их резидент в Москве живет, боятся того, что заднепровская сторона становится под скипетр великого государя. Канцлер говорил мне, чтобы князь Григ. Григ. Ромодановский соблюдал большую осторожность насчет гетмана Самойловича, Дорошенко пишет к нему такие письма: "Мы друг с другом будем биться так, чтобы у нас обоих войска были в целости; у меня протектор турский султан, а у тебя заступник царь, и если наши войска будут в целости, то мы от государей своих в большой чести и милости будем. Лучше было бы, если бы царское величество велел всем войскам действовать вместе с нашими"".

Получив из Москвы статьи насчет королевского избрания, Тяпкин отправился с ними к гетману Пацу. Тот отвечал: "Я, желая прислужиться царскому величеству, вместе с литовскими сенаторами, воеводою троцким Огинским, маршалком Полубенским, референдарем Бростовским, виленским каштеляном Котовичем, радел всеми силами, чтобы быть королем царевичу Феодору Алексеевичу, и канцлера литовского Кристофа Паца привел было на то же доброе желание. Если бы царское величество позволил сыну своему быть католиком по нашему древнему праву, то мы бы, оставя всех других государей, выбрали царевича. Но в статьях, привезенных Константиновичем от бояр, объявлено, что быть королем самому царскому величеству; этого нам сделать нельзя, нельзя оставить королеву без супружества: но, что важнее, объявлено, что великий государь и для приобретения целого света католиком не сделается: об этом нам нельзя объявить панам польским, да и некогда было говорить, потому что сеймики в Литве и Короне все кончились, и предложить это дело некому, а без предложения шляхте на сеймиках нельзя начинать дело".

В апреле начались выборы. Послы папский и цесарский хлопотали за герцога лотарингского. 28 апреля в коле рыцарском держали речь послы волынские, объявили, что они вперед никаких податей в казну королевскую платить не будут, потому что воеводы московские разослали универсалы по всей Волынской земле и Подолии, запрещают давать подати в казну королевскую: а войска царские приближаются уже к Полесью, Заславлю, Острогу, и догадываются они, нет ли соглашения у царя с султаном, чтобы заодно промышлять над Польским государством. Многие паны коронные говорили: "Во столько лет через посольские договоры не могли мы вытребовать у царя Киева, а теперь еще трудней стало, когда всю Украину царь отобрал". Польские паны начали винить в этом Литву: тут вмешался в их речи посол цесарский и спросил у коронных: "Ведь Украина оставалась в ваших руках?" - и, услышав ответ, что Украина с Дорошенко

поддалась султану, сказал: "За что же вы сердитесь? Лучше пусть владеет ею государь христианский и ваш союзник!" Троицкий воевода Огинский говорил также в защиту царя: "Трудно на вас угодить, господа коронные! В прежние годы, когда царь не давал вовсе помощи против татар, то вы с сердцем говорили, что он поступает не по договору; а теперь, когда царь стал помогать и всю Украину из-под султанского подданства освободил, сердитесь и говорите, что он всю Украину от вас отобрал!"

8 мая провозглашен был королем великий гетман коронный Ян Собеский. 11 мая по требованию троцкого воеводы Огинского Тяпкин послал к нему переводчика Лаврецкого, и воевода говорил: "Писали мы к царскому величеству, просили себе в короли царевича Феодора Алексеевича: удивительно нам, почему царское величество не изволил исполнить наше желание. А теперь своею силою, посулами и тайным сговором подканцлера литовского Радзивилла и всех Сапегов, которым многие сотни тысяч золотых роздал, стал королем гетман Ян Собеский. И хотя гетман Михайла Пац, и канцлер, и я, и другие паны литовские противились этому и стояли крепко от самого избрания его, с 8 мая до 11-го, только теперь пришлось и нам позволить поневоле, а тайно, конечно, будем радеть, чтобы его какою ни есть смертью известить, и есть на то хорошие способы. Собеский нам потому не люб, что он великий неприятель Московскому государству и, надобно думать, что помирится с султаном сейчас же; хочет он пустить турок на цесаря войною, чтобы отвлечь его от Франции, а самому с отрядом турецкого войска и с Крымом идти непременно на Московское государство. Но если он обнаружит намерение разорвать мир с царским величеством, то мы, литовские, никак этого не позволим, если же возьмут силу коронные, то пусть будет известно царскому величеству, что мы, приехавши в Литву, всеми силами станем радеть, будем приводить всю шляхту литовскую на сеймиках по поветам и по воеводствам, чтобы на войну с Московским государством не давали никаких податей, ни войска ни одного человека. Думаю, что мы со всею Литвою совсем отложимся от коронных и приклонимся к царскому величеству, усмотря время. Хотя мы теперь поневоле и позволили быть королем Яну Собескому, потому что он многих коронных и литовских панов задарил, а иных застрашал, приведши под Варшаву войско коронное, однако мы его впредь королем иметь не будем". Огинский плакал, целовал крест. "Отнюдь, - говорил он, - Литва не хочет воевать с царским величеством; пусть великий государь велит своим войскам поступать осторожно на Украине, если случится быть вместе с войсками коронными; а теперь бы изволил явить к королю свою милость, не показывал бы ни в чем жесточи, наблюдая, что вперед от короля и от коронных объявится, и если что объявится, то царского величества рати должны быть на рубеже литовском; и этим страх большой разгласится во всей Литве, и станет Литва отговариваться и помощи не даст. Во всех этих и в других своих делах указал бы государь тайно ссылаться и промышлять с гетманом Михаилом Пацом и со мною, не доверяя другим".

Иное говорил Тяпкину подканцлер литовский князь Михаил Радзивилл: "Нынешний король во многих случаях был желателен к царскому величеству: так, когда коронные гетманы отдали в Крым боярина Василья Борисовича Шереметева, то он сильно противился этому несправедливому поступку, говорил, что они это делают не по христианскому обычаю. А теперь, получивши корону, он еще больше желает дружбы и любви с царским величеством. Напишите к великому государю, чтобы он имел с королем нашим истинную дружбу и никаким ссорам не верил, чтобы как в прошлом году, так и теперь велел своим ратным людям промышлять над Крымом и над Азовом и тем отвести татар от помощи войскам турецким, да и против турок велел бы своим полкам с польскими и литовскими войсками сближаться и заодно стоять".

Узнавши, что король отложил коронацию и готовится выступить в поход, Тяпкин обратился к литовскому канцлеру с требованием, чтобы ему позволено было быть на резиденции при короле в обозе. "Старый у нас обычай, - отвечал канцлер, - что послы и резиденты ни только что в обоз с королем, и никуда из Варшавы не езжали". Донося об этом ответе Матвееву, Тяпкин писал: "Трехдневного корма по сие время мне не выдавали, ей, до конца испроелись и, что было государского жалованья, рухляди, все издержали, а вперед, бог весть, как буду жить? А если королевское величество нас с собою не возьмет, то не знаю, какой толк в моей резиденции будет".

Московскому резиденту долго пришлось дожидаться кормовых денег: денег не было в казне королевской, послали занимать их в Данциг, повезли королевские брильянты в заклад. Без денег нельзя было выступить в поход. В предстоящей страшной войне с турками была помощь только с одной стороны - московской. Сначала в Варшаве сильно беспокоились - как взглянут в Москве на избрание Собеского? Беспокоились, что долго не приходила поздравительная грамота от царя новому королю; наконец грамота пришла, и 11 июля Тяпкин поднес ее королю. Подканцлер коронный Ольшевский, епископ хельминский, в тайном разговоре клялся резиденту, что король желает с царем истинной братской дружбы и соединения сил против турок и татар. "Если это соединение последует, - говорил епископ, - то силами обоих народов, наверное, прогоним турка до Дуная, потому что мы уже знаем, как в битвах с турками промышлять, только бы при них не было татар, которые нашему народу всегда тяжки. А христианские народы, живущие по Дунаю, - волохи, сербы, молдаване, славяне - как скоро слышат, что царские войска соединились с польскими, то сейчас же пристанут к ним, особенно к людям царского величества; они всякими способами проведывают, тайно и явно, как бы им дал бог, чтобы царское величество с королевским были в братской дружбе и соединении, и тогда немедленно поддадутся обоим великим государям, потому что единовверные они христиане не только с народом московским, но и с нами. римскими католиками, и хотя есть между нами в вере какое различие, то несогласия эти произошли от гордости папы и греческих

патриархов. Если же войска обоих народов Задунайские земли у турок отобьют, то этим самым получают способ к вечному покою".

Новичка в деле, Тяпкина сильно смущало разногласие суждений о короле Яне и его намерениях: "Дивные здесь в народе голоса! Одни королевское величество очень благодарят, ставят таким мудрым и в воинских делах искусным, какого от двухсот лет у них не бывало. Другие считают его хитрым и лукавым, склонным к поганым. Одни утверждают, что идет он в обоз на оборону Речи Посполитой, будто непременно хочет, соединясь с войсками царского величества, сообща стать против бусурман. Другие говорят, что идет в обоз нарочно, чтоб ему ближе было с турком и крымским ссылаться, чтоб Украину им всю отдать, а себе Каменец, и другие края завоеванные возвратить, а потом вместе с турками и татарами идти на государство Московское. Один бог весть, кому из них верить? Солдаты, которые долго служат, а жалованья не получают, приходят и явно говорят: если бы верное царское слово в наш войсковой народ было пущено, что царское величество жалует нас и заслуженные деньги обещает заплатить вскоре, то не только литовские, и коронные все пристанут и будут ему, государю, служить против всякого недруга. Староста сахновский, бывший в Москве, брался уговорить войско перейти на царскую сторону".

12 августа выехал король из Варшавы к войску: кроме придворных урядников, из сенаторов никто с ним не поехал, разъехались все по маетностям. В Варшаве остался подскарбий коронный Морштейн - враг государству Российскому. "Караула у меня на дворе нет, - писал Тяпкин, - а воровство и убийство беспрестанные: боюсь, чтобы не обокрали или не разбили; живу без дела, испроелся и одолжал".

Но московского резидента ждали еще большие неприятности, когда в Варшаве узнали об успехах турок в Украине, о переходе Ромодановского и Самойловича назад, на восточную сторону Днепра. "Сильно на нас злобятся вертоглавы бесовские, которые французскою завистию заражены и лакомством задавлены", - писал Тяпкин. Когда он послал подьячего к Морштейну с вопросом, нет ли каких вестей из Украины, то подскарбий велел отвечать ему: "Вестей у нас никаких нет, только Москва ваша утекла за Днепр позорно, никем не гонимая, турецких войск не выдавши, пушки все погубила и больше 10000 войска потопила, хорошо бы, если бы и вся пропала!" "Живя в Варшаве, - продолжал жаловаться Тяпкин, - я всякие ведомости покупаю дорогою ценою; которые были со мною в дружбе, и те уже начинают отказывать, хотят награждения. говорят не стыдятся, что они ведомости сами покупают дорогою ценою, рискуют и здоровьем, навлекая подозрение. Аврам Сокольский, староста сахновский, очень доброхотен, веры благочестивой, во всем с радостию царскому величеству служить хочет: рад бы, говорит, поехать и к границам для проведования, да нечем подняться! просит жалованья; а сахновский этот очень способен и достоверен. А что к митрополиту винницкому Антонию послано чрез того

же Аврама большое жалованье, то от него не слышать никакого доброхотства, не пишет ко мне ничего".

Единственной целью сношений польского правительства с русским в это тяжелое для Польши время было убедить царя подать более деятельную помощь в войне турецкой, соединить свои войска с войсками королевскими. Не довольствовались заявлением этого желания резиденту русскому и в сентябре прислали в Москву известного уже здесь Самуила Венславского. Посланник, по обычаю, приветствовал великого государя пышною речью; поздравляя с новым (сентябрьским) годом от имени польских и литовских народов, желал, чтобы Алексей Михайлович победами, долголетием, изяществом равен был Казимиру III и Сигизмунду I, слыл бы у государей христианских миротворцем, уподобился бы счастьем Гераклию, долгоденствием Юстиниану, воскресил бы память Карла Великого: как тот на западе, так бы теперь царь на востоке вместе с королем польским поддержал падающую корону цесарскую.

На объявление старого требования о соединении войск Матвеев отвечал Венславскому, что турки побили царские войска в Ладыжине и войска коронные и литовские с тылу на неприятеля не пошли, чем возбуждено сомнение в царском величестве. Если бы в то время, как неприятель вошел в Украйну, король со всем своим войском двинулся на него, то царские войска, бывшие в то же время на Украйне, непременно бы соединились с польскими; но король сделать этого не захотел, и турки опустошили Украйну; за эту пустотою царским войскам нельзя идти вперед, на ту сторону Днепра, хотя они всегда стоят в готовности. Король желает соединения сил, когда войска турецкие обратились в его сторону, а как неприятель был на Украйне, то поляки на него не шли. Царские войска хотя и истомились, однако стоят в готовности на Украйне, а королевских войск и теперь на Украйне нет: так как же соединиться войскам? Король послал тебя сюда, зная наверное, что турки идут в Украйну, а сам за ними не пошел. "Король был обнадежен: хан прислал ему сказать, чтобы войска польские не двигались", - сказал Венславский. "Мы только еще подозревали, а теперь выходит прямо, что король хана послушал; ясно, что войска неприятельские приходили на Украйну с королевского совета!" - возразил Матвеев. *Венславский*: "Если неприятель из Украйны уже вышел, то пусть царские войска хотя перейдут на другую сторону Днепра". *Матвеев*: "До весны наши войска будут на этой стороне; а на весну какое неприятельское намерение будет, в то время оба великие государи станут между собою ссылаться. Что же касается до общего мира с турками, то царское величество на мир согласен, только был бы он прибылен обоим великим государям". В грамоте, отправленной с Венславским к королю, царь писал, что соединение войск за осенним и наступающим зимним временем невозможно: "Ваше королевское величество желаете теперь соединения войск, видя, что такая великая сила бусурманская в государства ваши валится; а если бы бусурманские войска в государства ваши не обратились, то, надобно думать, вы бы этого

соединения сил и не пожелали. Однако мы своим войскам, как они ни истомились, по домам расходиться не велели, приказали им стоять на odpor неприятелю и пошлем к ним на помощь многих людей. Мы вам помогать готовы, только бы ваше королевское величество с чинами Речи Посполитой и Великого княжества Литовского изволили сложить сейм вольный и постановить, как неприятелю сообща odpor делать, чтобы это постановление было крепко и постоянно, а не так бы, как теперь со стороны вашего королевского величества делается: кто хочет, тот против неприятеля и идет".

Уполномоченным, отправленным на новые андрусовские съезды, двоим князьям Одоевским, боярину князю Никите Ивановичу и стольнику князю Юрию Михайловичу с товарищами, был дан наказ: о соединении сил комиссарам отказать и в договоры не вступать. Но польские комиссары Марциан Огинский, воевода троцкий, и Антоний Храповицкий, воевода витебский, с товарищами грозили, что если соединения сил не произойдет, то поляки поневоле должны будут заключить мир с турками. Насчет вечного мира согласиться не могли, потому что комиссары не хотели уступить Москве в вечное владение тех городов, которые уступлены были ей по перемирию; об увеличении лет перемирия они не хотели говорить без договора о соединении сил. "Если, - говорили комиссары, - соединение сил не последует и Киев не будет отдан, то мы его саблями станем отыскивать; у нас теперь государь воинственный, который не только Киев, но и другие города отыскивать будет; может он оборониться от неприятеля и без царской помощи!" По этому случаю Алексей Михайлович написал Собескому: "Великие послы съезжаются для умножения братской дружбы между их государями, а не для угроз; неприлично стращать мечом того, который и сам, за помощь божиею, меч в руках держит: в том свидетельствует прошлая война. О Киеве вашим комиссарам говорить не годилось! Киев задержан за многие и несчетные с вашей стороны нам бесчестья и досады в прописках нашего имени и титула и в печатных книгах: в грамотах, отправленных из вашей канцелярии, пишут меня Михаилом Алексеевичем! Киев задержан также за несчетные убытки при вспоможении вашему королевскому величеству против султана и хана крымского. Вы отдали султану Украйну, в которой и Киев: так можно ли после того вам отдать Киев?" Андрусовские переговоры тянулись с половины сентября до конца декабря и кончились ничем, а между тем Собеский в своих грамотах не переставал умолять царя о немедленном вспоможении, уведомляя о своих успехах, выставляя, что теперь самое удобное время ударить сообща на врага и очистить страны придунайские.

8 декабря приехал в Варшаву с царскою грамотою подьячий Тимофеев, ведено ему отдать грамоту королю непременно при резиденте Тяпкине. Тяпкин отправился к канцлеру Пацу, объявил царский указ и потребовал, чтобы отпустили их немедленно с Тимофеевым в обоз королевский. "В опасной грамоте, - отвечал Пац, - написан один подьячий, а резидентова имени нет: подьячему и будет отпуск без задержки, а тебе ехать с ним

невозможно: по обычаю польскому, все резиденты обязаны жить в столице". "Прислан особый царский указ, чтобы мне ехать с подьячим", - возражал Тяпкин. "Вольно царскому величеству указ свой присылать о чем ему угодно, - отвечал Пац, - только удивительно, для чего в опасной грамоте о твоём отпуске ничего не упомянуто! Отпустить тебя нельзя, потому что недавно король прислал указ: если царское величество выступит из Москвы с войсками в Путивль, как объявлено королю, и если резидент королевский будет в этом походе, то пусть и Тяпкин едет в обоз королевский; если же царское величество и резидент польский останутся в Москве, то и Тяпкин должен оставаться в Варшаве".

Положили, что канцлер спишется с королем, а Тимофеев будет ждать в Варшаве ответа. В этом ожидании он успел поссориться с резидентом: приехавшие с ним пристав Посольского приказа Репьев и двое смоленских рейтар стали ходить по корчмам и, напившись, стали бросаться ночью на поляков с саблями и ножами, стаскивали платье, отнимали деньги; караул схватил буянов и с уликою, с обнаженными саблями и пограбленными вещами, прямо препроводил к Тяпкину, потому что они назвались людьми русского резидента. На другой день литовский канцлер и варшавский губернатор прислали к Тяпкину с выговорами и требованием расправы с виноватыми. Тяпкин препроводил их к Тимофееву, чтобы расправился с ними тот. Но подьячий принял сторону пристава и рейтар, стал бранить Тяпкина при всех русских людях, называл коварником, и Тяпкин послал на него жалобу государю.

15 февраля 1675 года Тимофеев отправился к королю один - Тяпкина не пустили, а стали стращать его миром короля с турками, которые после того пойдут на Московское государство. Приезжал к Тяпкину Венявский, доверенный человек у короля, и под великою клятвою рассказывал, что король хочет двинуться ко Львову не для сейма и не для коронации, а для заключения мира с турками, татарами и Дорошенком, потому что бусурманы обещают возвратить королю все завоевания, но с тем, чтобы король пропустил чрез свои владения турецкое и татарское войска в Московское государство. Магометане казанские, астраханские, сибирские и даже живущие в самой Москве слезно просят султана, чтобы он, как бог их и царь, избавил их из работы христианской, обещают, что как скоро почуют пришествие рати турецкой и татарской в Московское государство, то немедленно и единодушно встанут на него. "Но если, - закончил Венявский обычным припевом, - царское величество даст на весну помощь королю войсками, то никаких трактатов с турком не будет". Тимофеева отпустили не прежде, как он обещал подскарбию соболей на 30 рублей; по этому случаю Тяпкин писал Матвееву: "Такое наше здесь житье, что и в самых постановленных между государствами делах без купли обойтись трудно!" По-прежнему Тяпкин жалуется, что трудно достать ему правдивых ведомостей, потому что "много составных проектов рассевают каждый по своему желанию, чрез обычные свои вертоглавные концепты. Кручинятся и нарекают беспрестанно, что помощи не получают от

царского величества, а того будто не видят, что сами между собою перегрызлись и разбрелись врознь; войско литовское лежит на хлебе в пятистах верстах от Браславля; думаю, что оно на помощь к королю на завтрашний день не поспеет". Действительно, старый враг Собеского, гетман литовский Михаил Пац, отступил с своим войском от коронных полков; старший брат гетмана, стражник литовский Бонифаций Пац, объяснял Тяпкину это отсутствие тем, что король хочет помириться с турками и вместе с ними обратиться или на Москву, или на императора, но что Пац и вся Литва отнюдь этого не позволят. Пац жаловался, что король самовластвует, паны радные только и слышат от него: "Ваше дело передо мною стоять, слушать и исполнять то, что я приказываю". "Польские сенаторы, - говорил Пац, - привыкли, чтобы государь обо всем их спрашивался, их слушал, что ему нужно, домогался с прошением, а этот не так поступает. Избрание царевича теперь могло бы легко совершиться, пока Собеский не коронован".

Тяпкин не переставал тревожить государя слухами, что Московскому государству предстоит большая опасность: французский король употребляет все средства, чтобы примирить Польшу с Турциею и весною двинуть их на Москву, а Швеция - союзница Франции. "Поэтому нужно, - писал резидент, - как в Украине, так и по шведской и на других границах чуткое ухо наставить и осторожность войсковую иметь, чтобы тем французским концептам не допустить и лаптей сплести, не только сапогов сшить, в которых бы могли ногу свою протянуть в государство Московское и яко дым да исчезнуть". Но тут же резидент доносил, что канцлер литовский с клятвою уверял его в ложности всех этих слухов; канцлер повторял старое, что не могут они надивиться, почему московские войска не соединяются с польскими, а ведут войну особо, в отдаленных сторонах, и этим дают неприятелю возможность легко взять верх, нападши на каждого порознь; собьют турки с поля поляков - русские войска и не узнают об этом, наступят на московские силы - поляки ничего не будут об этом знать; невозможно войску от войска дальше десяти миль быть. Если помощи не будет, то поневоле Речь Посполитая позволит королю мириться с турками на каких придется условиях, кроме условия союза против государства Московского".

Донося о польских жалобах, Тяпкин не переставал в письмах к Матвееву жаловаться на свое положение в Варшаве и просить об отозвании: "Умилосердися, государь, милосердый мой отец! Ежели уже всячески невозможно меня отсюда взять или переменить, то вели обослать государским жалованьем денежным, а не соболями и на раздачу прислать деньгами же. Я бы здесь не дороже московского для раздачи купил соболей, каких надобно, а то Василий Тимофеев привез самые плохие и подопрелые, а лучшие себе взял. Хотя и последнюю деревнишку вели отписать на великого государя, а меня удовлетворить государским жалованьем, чтобы я здесь не скитался, занимая по людям, и в зазоре от иноземцев не был. А наипаче смилуйся, государь, госиода ради, вели переменить, в иную

страну, куда ни изволишь послать, всюду готов. Паки и паки, милосердый государь отец, смилуйся! Ей, государь, резиденты здесь всех государей богатые и ближние люди, консилиарами королей своих титулуются и полным жалованьем обсылаются; а у меня семья: я с сынишком самовтор, подьячих два человека, священник, шесть человек стрельцов, людишек четыре человека, без которых трудно обойтись, шесть лошадей, и на всех тех помянутых выходит за всякую пищу и за дрова кроме починки и нового платья и служивой рухляди по 3 рубля на день. Полковники кормовые на Москве великие кормы на месяц берут не только себе, но и коням: а мне, будучи в чужом государстве, особенно между такими льстивыми и злыми народами, кроме государственной милости и твоего отеческого призрения, надеяться не на что. Скоро всех мне придется отпустить от себя, лошадей избыть и остаться в самом малом числе, если твоего отеческого призрения не получу". В апреле резидент дал знать, что против Собеского большая партия в разных сословиях, которая никак не хочет допустить его до коронации; против него главные воеводства: Краковяне, Великополяне, Мазуры, Львовское воеводство со всеми Русскими странами, Литва и Жмудь. Во всех этих областях очень любят королеву Элеонору, хотели бы, чтобы царевич Федор женился на ней и был их государем, если же этого нельзя, то соглашаются иметь государем короля шведского, опять с условием женитьбы на Элеоноре; император очень хлопочет об этом по трем причинам: во-первых, желательно ему породниться с шведским королем: во-вторых, видеть на соседнем престоле близкого свойственника: в-третьих, и больше всего, отвлечь Швецию от союза с Франциею. От этого, говорят, король Ян приходит в отчаяние и от великой печали слабеет в здоровье. "Впрочем, - добавляет Тяпкин, - нет в них ничего постоянного, потому что, как вольные народы, имеют уста самовольные и незатворенные, что хотят, то поют, один так, другой иначе, и ни одному верить нельзя; вернее всего то, что когда Собеский в Польшу явится, то на банкетах голоса противников вином разогреются и вместо слов нежелательных завопят: виват! виват! Другие деньгами и почестями успокоены будут. Нет ни малого постоянства в здешнем народе, нельзя узнать, кто из них прав или крив: все красомовцы, все мудры, все крутятся ехидным поползновением, не только головами, но и самыми душами, больше желают несытое свое лакомство удовлетворить, нежели добру общему прибыли и правды".

Несмотря, однако, на такие отзывы о поляках. Тяпкин стал явно склоняться к тому, что необходимо исполнить желание польского правительства, дать сильную помощь и соединить царские войска с королевскими: это было, по мнению резидента, самое лучшее средство разорвать факции французскую и шведскую, которые *зияют* на государство Московское. Польский резидент Свидерский доносил королю из Москвы, что царские войска стоят наготове по всей западной границе, начиная от Новгорода Великого, но неизвестно, куда двинутся. "А я, - писал Тяпкин Матвееву, - я безвестен и бессловесен пребываю, потому что очень редко писания из государственной палаты ко мне бывают, а когда и приходят, то не пишется

ни о каких войсковых и других ведомостях, которые здесь надобны; от этого великую укоризну терплю от канцлера и других: о чем ни спросят - не ведаю. И если вперед так глух буду и безвестен, то предаюсь под твое высокое рассуждение, что из такого беспотребного житья моего здесь вырасти может?" Продолжались и жалобы на крайнюю нужду: в начале июня Тяпкин писал Матвееву, что принужден был заложить свою ферязь. Чтобы вырваться как-нибудь из Варшавы, резидент прибег к хитрости, писал, будто верный человек известил его о большом, в несколько миллионов, кладе князей Шуйских в Смоленске и что он, Тяпкин, если будет вызван в Москву, может обстоятельно рассказать об этом кладе, написать же не может. Не надеясь на полный отзыв из Польши, Тяпкин просил дать ему полк и отправить на помощь к королю: там, при войске, он по крайней мере сам все бы видел, а не покупал *авизы*, как в Варшаве.

Наконец из Москвы пришло резиденту позволение обещать полякам скорую помощь, вследствие чего Тяпкин был вызван к королю во Львов. В июле он поскакал туда, но не на радость: король и паны были встревожены тем, что слухи о движении царских войск начали стихать; несчастному резиденту не было покоя от выговоров; а тут еще новая неприятность: священник, бывший с Тяпкиным в Варшаве, отправлен был в Москву и здесь начал наговаривать на резидента Матвееву. "Я умолял его честью ехать в Москву, - писал Тяпкин, - потому что не мог долго сносить позора от римских духовных и других лиц; известен он стал в Варшаве во всех корчмах: бунтовщик, ссорщик, ненавистник всякого доброго человека, пьяница, колдун, совершенный кумирслужитель! На всякий час мало ему было по кварте горелки, а пива выходило на него по бочке в сутки; умилосердись, не верь его вражеским речам, помилуй, вели меня хоть на время взять, а его подержать до той поры".

7 августа резидент был позван в обоз королевский для принятия грамоты Собеского к царю; прежде отдачи грамоты король велел подканцлеру литовскому сказать Тяпкину: "В этой грамоте королевское величество прилагает новые просьбы о помощи, которая с давнего времени только обещается, а не дается; королевское величество с оскорблением этому удивляется, и ты, резидент, эти мои слова напиши ближнему боярину Матвееву". В Москву с королевскою грамотою отправлял Тяпкин сына своего, которого тут же представил Собескому: молодой Тяпкин благодарил короля за "его государское жалованье, за хлеб и соль и за науку школьную, которую употреблял, будучи в его государстве". Речь эта говорилась по-латыни, "довольно переплетаючи с польским языком, как тому обычай наук школьных належит". Отец хвастался, что сынок "так явственно и изобразительно орацию свою предложил, что ни в одном слове не запнулся". Король поблагодарил оратора сотнею золотых червонных и 15 аршинами красного бархата. 12 августа пришла царская грамота с извещением, что князь Ромодановский и гетман Самойлович получили указ двинуться к Днепру, куда для соединения с ними должны прийти все коронные и литовские войска, "Этому статься теперь нельзя, - говорили

паны, - это значит открыть неприятелю польские края, Львов и другие города, неприятель только в 12 милях от Львова, около Злочева, Збаража воюет. Пусть царские войска переправляются за Днепр и соединяются там с некоторыми частями польских войск, которые их ждут, и пусть промышленуют над Дорошенком, потому что при нем очень мало козаков и татар, а затем бы и самые большие рати царского величества вооружались. В прошлом году выговорили, что зимою трудно воевать за Днепром, и потому царские войска явятся туда весною; теперь не только весна, но и лето все проходит. Когда ж мы дождемся ваших войск? Осенью и зимою трудно за стужами и непогодами, весною голодно, летом жарко!"

В августе пришло письмо от Ромодановского и Самойловича к гетманам коронным, что царские войска уже над Днепром и некоторые отряды их перешли реку и соединились с отрядами польскими. Король очень обрадовался и прислал дворянина своего с этою вестию к Тяпкину. Между тем неприятель истреблял города недалеко от Львова, порывался и на самый обоз королевский. Король выступил из обоза, взявши с собою и русского резидента. Последний писал Матвееву, что войска польские очень стройны и охочи к битве, только между старшинами большое несогласие. Знатные и честные люди прямо говорили Тяпкину: "Хотя король с гетманами и вышел в поле, однако каждый из них рад бы был, чтобы на кого-нибудь неприятель напал, а другой бы о том будто и не слышал: разве сам бог смилуется над христианским народом и даст нам помощь и соединение". Тяпкин отвечал им: "Чего же ваша Польша и Литва негодуют, что наши войска с вами до сих пор не соединяются, когда вы сами между собою не можете согласиться? Постороннего государя войска, видя ваши такие друг с другом злохитрые факции, слыша, как вы злоречите своего монарха, могут ли вам верить и соединяться с вами". На это был один ответ: "Слушна твоя рация, господине резиденте!" Литовский гетман Пац вздумал было подсмеяться над Тяпкиным и в большом собрании стал ему говорить: "Видите, господин стольник, что король и мы все с малою горстью людей беспрестанно в поле обращаемся и отпор даем недругу; а ваши московские полки, которых, говорят, тысяч полтораста и больше, разве только с гор киевских на нас смотреть будут, что над нами станется? И если хотя один татарин подбежит под Киев, то они все от него в вал схоронятся и показаться не посмеют, а после на комиссии будут оправдываться, что ходили на помощь полякам". Резидент ловко отшутился. "Господин гетман! - сказал он Пацу. - Не дивись войскам царского величества, что не поспешили к тебе на помощь; может быть, медленность их не без причины: бояре и воеводы слышат о чрезвычайно скором сборе войск польских и литовских. Ваша гетманская честность не очень давно изволила прибыть на помощь к королевскому величеству не с киевских гор, а из виленских долин. Твоя честность очень скоро отчизну свою оборонил и прибыл на помощь, когда турки взяли уже 24 города!" Пац рассердился. "Ни один москаль мне так остро не говаривал", - повторял гетман и прислал к Тяпкину с требованием, чтобы сейчас же отдал ему долг - 1000 золотых польских. Но резидент упросил его чрез

иезуитов, чтобы подождать еще месяц. Тяпкин не мог нахвалиться обращением с собою короля: "Сам велел мне у себя всегда быть в покоях, как будет надобность, разговаривает со мною очень милостиво, когда помяну имя великого государя, всегда снимает шапку и говорит о нем, государе, любезно со всякою учтивостию". Впрочем, резидент скоро оставил короля и возвратился во Львов. Здесь он подружился с епископом львовским Иосифом Шумлянским и вошел в переписку с Антонием Винницким, епископом перемышльским. Антоний прислал к нему своего секретаря, который в тайном разговоре начал просить совета, как бы у великого государя получить митрополию Киевскую, потому что Тукальский умер, а он, Антоний, имеет привилегию на митрополию от двух королей польских. "Как господин епископ, - отвечал Тяпкин, - верно великому государю служит и его государскую милость помнит, такую может за свои заслуги и награду получить". В письме своем к Антонию резидент объяснился подробнее, выразил удивление свое, что епископ только теперь припомнил милость великого государя, за которую, неизвестно, заплатил ли хотя одною молитвою или одною бескровною жертвою, и только теперь отозвался с своим служебным желанием.

Поход королевский кончился ничем: неприятель спокойно вышел из границ королевства, обремененный добычею. "Поляки, - пишет Тяпкин, - проводили турок как милых гостей, одаривши их бесчисленными дарами из душ православных, проводили за самый Днестр, мало не до Дуная. Когда же увидали, что турки и татары из Валахии вышли, то обнаружили здесь великую храбрость над церквами и монастырями благочестивыми, стали до основания их разорять и жечь, церковные утвари разбойнически расхитили, нескольких епископов и многих игуменов и священников до смерти побии; в церквах с конями стояли и, что еще хуже, с невольницами ночевали; и теперь по маетностям своим стадами, как бессловесных, гонят невольников волошских. Православные христиане во Львове сильно об этом вздыхают и плачут, опасаясь, чтоб и над ними латинская прелесть окончательно не взяла верха. Слышу от благочестивых духовных и мирских, что их владыки здесь только мантиею благочестивой веры восточной украшаются, внутри же тяжки св. церкви, как волки, и больше римскому костелу похлебствуют, чем церкви божию защищают",

Тяпкин в своих донесениях не нахвалится дружелюбным обращением с собою цесарского резидента Зеровского: "Во всем братолюбно со мною дружбу и согласие иметь желает в равенстве; только я не могу с ним равняться, потому что он очень богат и славен, ездит в позолоченной карете шестернею, а у меня две клячи насилу живы, и тех кормить нечем".

Мы видели, как австрийские послы играли роль посредников при заключении мира между Россиею и Польшею, когда дело шло об избрании царя Алексея в преемники Яну-Казимиру. После неблагоприятный оборот дел, сильное желание окончить войну, истощавшую вконец государство, заставляли царя снова обращаться к посредничеству императора

Леопольда. Но это обращение было похоже на старание утопающего схватиться за соломинку и происходило от очень недостаточного знания тогдашних европейских дворов и их отношений. Польское правительство, более опытное, отклоняло австрийское посредничество. Венский двор объяснял это интригами польской королевы-француженки, которая хочет видеть родственника своего, французского принца, на польском престоле, объяснял союзом Яна-Казимира с ханом крымским, а чрез хана и с султаном турецким, что все ставило Польшу во враждебные отношения к Австрии. Но Москве было от этого не легче: она не переставала требовать содействия к прекращению тяжкой войны. Как будто в насмешку в конце 1661 года австрийский посол Августин фон Майерберг объявил, что турецкое войско вторгнулось в императорские владения, и просил, чтоб царское величество изволил мысль свою объявить, как бы против общего христианского неприятеля-бусурмана вспоможенье учинить ратными людьми? Думный дьяк Алмаз Иванов отвечал на это: "Сами знаете, что польский король, неприятель нашего государя, с бусурманом в союзе, следовательно, цесарскому величеству надобно стараться о том, как бы польского короля от бусурманского союза оторвать и с царским величеством привести к прежней братской дружбе и любви. Когда оба эти государя будут в мире, то надежнее будет мысль против общего христианского неприятеля. Цесарскому величеству можно помирить великого государя нашего с королем польским способом внешним и духовным: внешним - войною, духовным - клятвою, потому что вера у них одна - папешская, а папа издавна имеет старание о том, чтобы все христианские государи были в совете и с бусурманами не дружились и союза не имели. Вам известно, что теперь у царского величества неприятель польский король и все войска наши стоят против поляков: так, не помирясь с польским королем, начать войну с другим великим неприятелем надобно рассудя".

Андрусовское перемирие и потом нашествие турок на Польшу переменили отношения: в 1672 году русский посланник майор Павел Менезиус поехал в Вену с известием о взятии Каменца турками, о вооружениях России и с вопросом: будет ли император помогать Польше и как? Император отвечал, что он двигает к польским границам большое и искусное войско. Избрание Собеского и тревожные вести, приходившие из Польши о намерениях нового короля, заставили Алексея Михайловича отправить новое посольство в Вену в 1674 году. Посланники - стольник Потемкин и дьяк Чернцов - объявили цесарским думным людям *осторожность*. На королевство Польское избрали Яна Собеского, бывшего гетмана, а княжества Литовского сенаторы и все посольство этому избранию противились и склонились после за великие подарки из страха, потому что Собеский привел с собою ратных людей, Краков и Варшаву своими пешими людьми осадил и не столько избранием, сколько силою сделался королем. Некоторые особы говорили тайно, что Собеский обоим государствам, как царского, так и цесарского величества, великий неприятель и с турецким султаном может помириться вскоре: французский

посол из Варшавы уже поехал к султану, чтобы устроить этот мир. Когда мир состоится, то султан пойдет войною на цесарские земли, чтобы не дать цесарю воевать французского короля, а король польский с частью войска турецкого и с Крымом обратится на Московское государство. Нынешним королем Польское государство в последнее искоренение придет, потому что он малолюден и с турками заключит мир для того, что имения его все на турецкой границе".

Думные люди отвечали: "Когда был здесь ваш посланник Менезиус, в то время у императора было намерение послать войско на силезскую границу, в помощь Польше: но французский король напал на голландцев, и цесарское величество по просьбе голландцев отправил многие войска свои на помощь им против французов. Если наши войска одолеют короля французского, то император станет помогать королю польскому. Враждебным замыслам нового польского короля цесарское величество верит: обнаруживаются они делом, а не словами. Но многие сенаторы не хотят и слышать о том, чтобы султан мог наступить войною на императора; если сенаторы и все посольство в Польше услышат, что у нашего государя с вашим крепкая братская дружба и любовь, то не посмеют напасть ни на нас, ни на вас, будут опасаться, что они между такими великими государями".

Борьба с Турциею оживила наши дипломатические сношения и с другими европейскими государствами. В сношениях с ближайшею Швециею до 1673 года продолжались взаимные перекоры за несоблюдение договорных статей, особенно насчет торговли. В 1670 году был в Риге находившийся в русской службе полковник фон Стаден; шведские генералы Врангель и Тотте поручили ему предложить ближним людям оборонительный союз между обоими государствами. Государь велел отвечать, что он в случае неприятельского нашествия на Швецию готов помогать ей деньгами и запасами, но ратных людей не пошлет и от короля не потребует, потому что когда бывает поход ратных людей, то происходят многие ссоры. Генералы дали знать Стадену, что Стенька Разин разослал по корельским и ижорским крестьянам грамоты за рукою и печатью бывшего Никона-патриарха. Отправляя снова Стадена в Швецию, государь поручил ему хлопотать, чтобы грамоты эти и люди, их привезшие, присланы были в Москву. Стадену поручено было также объявить Врангелю с товарищами: "Король желает с царским величеством союза, а подданные его печатают в курантах ложные известия и тем между обоими государями производят ссоры. Так, 19 ноября из Риги напечатано: бывший московский патриарх, собравши великое число войска, хочет войною идти на царя за то, что царь, обесчестив его, от патриаршеского чина безо всякие вины отставил, не рассудя, что он патриарх премудрый и ученый человек и во всем лучше самого царя, а вина его заключается в том, что он лютеранам, кальвинистам и католикам позволил ходить в русские церкви. Царь ищет случая помириться с Стенькою Разиным, который и сам не прочь от мира, но на следующих условиях: 1) чтобы государь сделал его царем казанским

и астраханским; 2) дал ему на войско 20 бочек золота; 3) выдал ему восемь человек ближних бояр, которых за грехи их Стенька умыслил казнить; 4) чтобы Никон был по-прежнему патриархом. Государь велел Стадену домогаться, чтобы напечатанные такие вести были жестоко наказаны.

В конце 1673 года приехал в Москву шведский посол граф Оксенштерн с товарищами: но когда начались толки о приеме, то встретилось важное затруднение: от послов потребовали, чтоб они были во дворце с непокрытыми головами, что точно так же и русские послы в Стокгольме будут пред королем без шапок. Оксенштерн не решился согласиться на эту новизну без королевского указа; надобно было посылать за этим нарочно гонца в Стокгольм; разрешение пришло, но за этими переговорами и пересылками прошло много времени, и переговоры могли начаться не ранее апреля 1674 года. Эти переговоры велись боярами князем Юрием Алексеевичем и князем Михаилом Юрьевичем Долгорукими и окольным Артемоном Сергеевичем Матвеевым. Оксенштерн начал: "Государь наш, Карл XI, пришел в совершенный возраст и желает быть с царским величеством в крепком союзе. Видя этот союз, посторонние государи будут в страхе; да и потому союз нужен, что общий всех христиан неприятель, султан турецкий, наступил войною на королевство Польское, много городов взял, лучшею и надежнейшею крепостию Каменцом-Подольским овладел, а царского величества рубежи от этих стран не в дальнем расстоянии. Как султан узнает, что между вашим и нашим государем заключен союз, то станет опасаться и намерение свое отложит, а король против этого неприятеля будет всегда помогать". Оксенштерн кончил постоянною жалобой, что условие Кардисского договора не исполнено, не все пленные отпущены. Начался спор о том, о чем прежде рассуждать? О союзе или о неисполненных статьях Кардисского договора? Бояре настаивали, что надобно начать с союза; послы возражали, что, не покончивши с прежними договорами, нельзя заключать новых. "А зачем король не прислал своих уполномоченных в Курляндию? - спрашивали бояре. - Там бы все спорные дела и были порешены". "В Курляндии, при польских послах, говорить о неисполненных статьях Кардисского договора было непристойно", - отвечали шведы. "Вы прежде всего начали о союзе, а потом уже сказали о неисполненных статьях договора: так в этом порядке и ведите переговоры!" - твердили бояре.

Шведы уступили и начали говорить о союзе против турок, объявили, что король их обещал послать полякам на помощь 5000 человек пехоты, а если у Швеции будет война с другим государством, то 3000; войска эти пойдут всюду, где надобно будет полякам, и будут помогать им до прекращения войны; король шведский подает эту помощь королевству Польскому *с имени христианского*, не желая себе за то никакого вознаграждения. Бояре отвечали, что 5000 очень мало, великий государь желает, чтобы король шведский стоял против турка всеми своими силами с царским величеством заодно, а из-за 5000 и союза заключать не для чего: хотя бы эти 5000 были все ученые инженеры, а не простые солдаты, то все же

против таких больших сил стоять не могут. "Но поляки сами больше у нас не просили", - возражали послы. "Чего у вас поляки просили, до того нам дела нет, - говорили бояре, - а теперь пусть король заключит союз с царским величеством стоять против султана всеми своими силами заодно, чтоб турок Польшею не овладел; а когда турок, чего боже сохрани. Польским государством овладеет, тогда и Шведскому государству тяжело будет". Послы объявили, что о таком союзе им договариваться не наказано: для заключения такого союза пусть царское величество отправляет своих послов к королю. "Так зачем же вы-то приехали? - спросили бояре и продолжали: - Нам надобен такой союз, чтобы с обеих сторон было по 200000 войска: наши будут за Днепром и на Дону, а ваши под Каменцом-Подольским или в другом каком-нибудь месте". "Но как же в бумаге, присланной с фон Стаденом, прямо было сказано, что помощи людьми царское величество не желает?" - говорили шведы. "Это было уже давно, - отвечали бояре, - тогда еще турок на польского короля не наступал и Каменца-Подольского не брал". Послы объявили прямо, что такой союз именно против турок вовсе не выгоден для Швеции, а выгоден только для России: турецкие границы сходятся с русскими и вовсе не сходятся с шведскими; за что же Швеция обяжется помогать постоянно России без надежды получить когда-либо взаимную помощь? Поэтому послы предлагали заключить союз глухо, на всех неприятелей обоих государств, не называя именно турок. Тщетно бояре толковали, что отдаленность границ не значит ничего, что опасность большая и для Швеции от турок; тщетно брали доказательства из истории: как греки, угрожаемые турками, просили помощи у соседних держав, те не дали на том основании, что до них было еще далеко; но когда беспомощная Греческая империя пала, то и соседние державы вслед за нею подверглись игу бусурманскому. Послы остались непреклонными: бояре уступили, и было постановлено: если царское величество потребует у королевского величества помощи против недруга с этой стороны моря, то может просить надежно: также если королевское величество станет требовать помощи у царского величества против недруга с этой стороны моря, со стороны Ливонии, то может просить надежно. Это разумеется о помощи как людьми, так денежной казною и военными запасами. Государь велел собрать в Москву всех шведских пленных, крещеных и некрещеных, и расспросить их при боярине Ив. Богдан. Милославском и при королевском дворянине: если которые из них и веру греческую приняли, а скажут, что принуждены к тому неволею, тех отпустить в Швецию; а которые приняли греческую веру добровольно или хотя и веры не приняли, но захотят остаться в России, те пусть остаются; то же самое будет сделано в Новгороде и Пскове с шведскими пленниками и в Швеции с русскими. Статья о торговых пошлинах отложена, потому что послы без королевского указа не согласились на предложение бояр брать пошлины по существующим уставам в обоих государствах. Послы взялись представить на королевское усмотрение и следующую статью: перебежчиков казнить смертью в той

стороне, куда перебегут, перебежавших до сего времени выдать без задержания.

Мы видели, какие деятельные сношения были у царя с датским королем Фридрихом III в 1656 и 1657 годах по поводу войны шведской. Хотя прекращение этой войны отняло у сношения с Даниею главный интерес, однако в Москве не хотели прекращать их, и в 1660 году отправился в Копенгаген стряпчий Яков Кокошкин с грамотою, в которой царь изъявлял желание быть с королем в крепкой братской дружбе и любви и в соседских приятельских ссылках свыше прежнего навеки непременно. Кокошкин был принят очень любезно и услышал о важной новости: 14 октября пришел к нему королевский переводчик и стал рассказывать: "Вскоре после мира с Швециею пришли к королю архиепископ копенгагенский, епископ и духовный чин да с ними копенгагенцы посадские выборные люди и говорили: прежние датские короли, и отец его, Христиан-король, и он сам дел государственных и других никаких по своему изволенью, без воли думных людей, не совершали, и государством владели ближние люди, от которых были многие измены и Датскому государству разоренье большое. И теперь они, духовный чин и посадские люди, хотят того, чтобы он, король, государством своим владел один и всякие дела делал и волею своею исполнял, не ожидая рады и приговору от думных людей, по своему изволенью, как ему будет годно, чтобы думных людей изменою государство вперед не разорялось и чтобы король велел об этом учинить раду вскоре. По их словам, король посылал по всем городам государства своего листы, чтобы из городов прислали в Копенгаген человека по два и по три, выбрав людей добрых. Когда выборные люди в Копенгаген приехали, то король велел учинить раду и говорил на ней, чтобы Датским государством владеть ему одному и всякие дела делать и волею своею исполнять без рады и воли думных людей. Думные и ближние люди этого было не захотели сделать и стояли упорно; только духовный чин и выборные из городов посадские люди за большую неволею их наговорили, чтобы они на то дело позволили. Сего дня рада кончилась: приговорили, чтоб в Датском государстве нынешнему королю и потомкам его дела государственные и всякие совершать, не ожидая рады и приговору от думных людей, по своему изволенью, как им, королям, будет угодно. Думные люди, духовный чин, дворяне и ратные люди и из городов выборные люди станут при короле присягать, чтобы тому делу быть вовек неподвижно".

17-го числа король прислал за Кокошкиным карету, и русский посланник отправился на площадь подле дворца смотреть, как будет происходить эта торжественная присяга самодержцу. "На площади, - доносит посланник, - сделано было место деревянное, как на Москве Лобное место, на месте сделан рундук, обито место и рундук сукнами красными, на рундуке поставлено 8 кресел, обиты кресла бархатом червчатым. Около места стояли ратные люди. В шестом часу дня король вышел из дворца, перед ним шли дворяне, думные и ближние люди несли знамя красное тафтяное,

шпагу королевскую, яблоко серебряное и корону. Король шел с королевою, двумя королевичами и четырьмя королевнами под покровом (балдахинном) бархатным червчатым; за королем шли духовные и выборные люди. Король с своим семейством сел в кресла. Архиепископ, епископ и думные люди поднесли ему корону. Король встал, снял шляпу, принял корону и отдал ее ближним людям, которые поставили ее на стул. Тогда канцлер начал читать статьи, на которых все и присягали, а по присяге подходили к королю и к королеве к руке".

Кокошкин привез в Москву грамоту, в которой Фридрих III извещал царя, что он сделался *отчинным* королем. "Надеемся, - писал Фридрих, - что такая нашему королевскому дому прибылая честь вашей любви, как нашему брату, особному другу и соседу, приятна будет". Поздравить короля с этою прибылою честью в начале 1662 года отправились в Данию двое дворян Нащокиных - Григорий и Богдан. Московские дипломаты не хотели отставать от малороссиян и поляков в витийстве, и Григорий Нащокин держал к королю Фридриху такую речь: "Слышав великий государь наш, его царское величество, о сицевом великодаровитом на ваше королевское величество излианном божию благосердии и изящном вашего королевского величества добросчастии, возсла всеми владеющему царю богу хваление, сице о таком вашего королевского величества радуясь благополучении, яко об особичном его царского величества приобретении, на знак же постоянные и давностию времени любви сотвержденные, нас, великих послов, к вашему королевскому величеству послати изволил, извествуй, яко он, великий государь наш, соблюденьем всех содетеля в троицы славимого бога на своих великих государствах здравствует; и яко истинные любве рачитель, чрез нас ваше королевское величество поздравляет: здравствуй, ваше королевское величество, на отчинном вашего государства королевстве благочастне, вышний вседержитель велелепную си десницею да соблюдает ваше королевское величество в долголетнем и благоденственном здравии, державу твою в неотменной целости и достоинство в приличном благосостоянии, королевство твое в честности и подобающем служении людей твоих, да яко другий адамант лепотою и крепостию благородствуя, ни единым от сопротивных емлем будеши, но над многими светяся ясным ти королевских исправлений блистанием, блеска противящих ти ся одолеваеши и зраки доброхотствующих ти увеселяеши и к сим желательного потомства светельство испущаеши, да искры сего адаманта, ся есть вашего королевского величества потомки, вашим государством державствующе, не померкнут, но твердость выше намененные давностию времен и многими предки и сродства сокрепленные и седиными высокие чести цветущие дружбы и любве братские между великого государя нашего и вашего королевского величества да пребывает вечно наподобие адаманта крепчайшего, ничим же от слабоумных нарушаема, сице да и страны окрестнии образец сего постоянного дружества снемше вместо зловиновных раздоров добровиновную тишину любве между себе обымут. И бог вседержавный, не бессловесных смущений, но мира и добрые любве

виновный, всех благ дарователь от крепкоумных уст прославится присно, иже постоянно чином правды любящих и в любви постоянствующих обыче венчати". Богдан Нащокин говорил подобную же речь от царевичей - Алексея и Федора, "двух благородных и бесценных царских искр, от дражайшего и бесценного адаманта воссиявших". Послы объявили в подарках от царя королю пять тысяч пуд пеньки; король велел сказать им, что пенька ему теперь очень нужна и он посылает за нею нарочно корабль в Архангельск.

В 1665 году ездил в Данию известный нам Петр Марселис с просьбою, чтобы король Фридрих постарался склонить польского короля к миру с Россиею. Фридрих отвечал, что пошлет к Яну-Казимиру узнать о его намерениях. Понятно, что вмешательство датского короля не могло нисколько помочь делу. Мы видели, что помогло ему. По заключении Андрусовского перемирия в Москве сочли нужным известить об этом и датского короля.

Дания не славилась в Москве богатством, промышленностью и торговлею, и потому к ней не обращались ни с просьбою о ссуде деньгами, ни с просьбою о присылке мастеров. Мы видели бедственное положение Московского государства во время польской войны, когда финансовые средства истощились и правительство бросало всюду тревожные взоры с вопросом: где бы занять денег, как бы увеличить доходы? Знали, как богаты западные поморские государства, знали, что богаты они от мореплавания, торговли, что купцы их ездят на своих кораблях в дальние богатые страны и привозят оттуда дорогие товары. Еще в 1662 году явилась мысль: нельзя ли завести свои корабли и отправлять их в эти богатые страны за дорогими товарами? На Балтийском море не было своих гаваней; родился вопрос: нельзя ли завести мореплавание из чужих гаваней? Московское правительство находилось в дружеских сношениях с герцогом курляндским; ему оказаны были услуги: во время войны с Польшею не трогали его областей, ходатайствовали перед ним у шведского короля. Царский посланник Желябужский, проездом в Англию и другие страны, вызвал к себе в Ригу канцлера курляндского Фелькерзама и говорил ему: "Ваш князь, помня к себе великого государя милость, службу свою и раденье оказал бы, объявил бы великому государю: куда его корабли ходят для пряных зелий и овощей, в которые урочища и чьи владенья, и в какое время ходят, и в какое время корабли назад возвращаются, и в какую цену ему корабль обходится, с снастями и со всем корабельным заводом, и сколько будет стоить корабельный ход людским наймом и запасами? За милость великого государя князь сделал бы, чтобы государевым кораблям ходить в те места для тех промыслов, и корабли бы великому государю для тех промыслов велел изготовить со всем как можно идти, а во сколько ему корабли станут, и то ему будет заплачено из царской казны. Да объявил бы князь: где добывать мастеров к серебряным рудам и где он сам, князь, руду серебряную добывает?"

"За премногую милость великого государя, - отвечал Фелькерзам, - князь мой во всем служить и работать рад; ходят его корабли для пряных зелий и овощей в его владения, в Индию; там у князя свой остров, устроен на нем городок, живет там княжих людей 200 человек. Строење князю стало дорого: возили лес на кораблях отсюда. Корабли нам стоят дорого, потому что на их строење все привозят из чужих земель. Думаю, что пристойнее великому государю заводить корабли у Архангельска". Герцог прислал грамоту с подробным изъяснением дела; грамота не сохранилась; но мы легко можем догадаться о ее содержании.

Сношения с Голландиею, откуда вызывались ратные люди и мастера, были так важны, что в 1660 году англичанин Иван Гебдон отправлен был туда резидентом, или комиссариусом.

Мы видели, что сношения с Англиею прекратились в 1649 году вследствие казни короля Карла I, но продолжались с претендентом Карлом II, которому дано было вспоможение. В 1654 году к Архангельску приплыл посланник английского владетеля Оливера (Кромвеля) Вильям Придакс. Посланник подал государю письмо, в котором говорилось, что великий земский сейм, отчаявшись в исправлении многих дуростей, бывших в Английской земле при державе прежних королей, переменяет правление и поставил самого доброго и премудрого государя, Оливера, который посылает с большою любовью поклон к кесарскому величеству, великому государю кесарю Алексею Михайловичу, прося о возвращении вольностей, отнятых у купцов английских. Царь не встал, спрашивая о здоровье протектора; посланник протестовал: "Хотя ныне в Английской земле и учинены статы (республика), однако государство ничем не убыло; испанский, французский и португальский короли и Венецианские статы воздают владетелю нашему честь так, как и при прежних королях". "Английскому королевству учинилось пременение, - был ответ, - от владетеля вашего к царскому величеству присылка первая, и, с каким делом ты прислан, про то царскому величеству было неведомо; а венецианские и голландские владетели царскому величеству не пример, и тебе про то выговаривать не годилось". "В каких государствах я ни был, - продолжал посланник, - такой почести себе не видывал: пристав сидел у меня в санях по правую сторону и шпагу с меня сняли!" "Как в Московском государстве в обычаях повелось, так и делают, - отвечали ему, - а тебе в чужом государстве про чины выговаривать не годится". В ответной грамоте Кромвелю царь писал: "Оливеру, владетелю над статы Аглинской, Шотландской и Ирландской земель и государств, которыя к ним пристали. Что вы с нами дружбы и любви ищете, то мы от вас принимаем в любовь, в дружбе, любви и пересылке с вами, протектором, быть хотим и поздравляем вас на ваших владетельствах, в чем вас бог устроил. Что, ваша честность, пишете о торговых людях, то нам теперь об этом деле вскоре рассмотрение учинить за воинским временем нельзя, а вперед наш милостивый указ будет, какой пристоеен обоим государствам к покою, прибыли, дружбе и любви".

Далее этих неопределенных учтивостей с Кромвелем дело не шло. Царский резидент в Голландии англичанин Гебдон оказался приверженцем Карла II, и, когда последний призван был на престол английский, Гебдон явился к нему с просьбою отпустить в Россию трехтысячный отряд войска. Король дал ему полную свободу набирать войско и, давая знать об этом царю (весною 1661 года), писал, что никогда не может забыть знаков братской дружбы, оказанных ему Алексеем Михайловичем во время нечестивого смятения, особенно не может забыть распоряжения, по которому недостойные подданные его были лишены прежних вольностей в Московском государстве; но теперь, когда добрые подданные возвратились к прежнему послушанию, то он, король, надеется, что царское величество возвратит им привилегию. Грамота королевская была прислана с сыном Гебдона.

Поздравить нового короля с восшествием на престол в 1662 году отправились в Англию стольник князь Петр Прозоровский и дворянин Ив. Желябужский. Послы были встречены уверением, что король ни к кому из государей не питает такой приязни, как к русскому кесарю; всем приезжим людям объявляет великого государя милость к себе, с ближними своими боярами и со всеми подданными своими говорит беспрестанно, что, кроме русского государя, никто не оказал ему такой милости, когда он был в изгнании; ждет король, чем бы воздать великому государю за эту милость. Когда послы ехали по Темзе, на всех кораблях стреляли из пушек; где не было пушек, там все люди приветствовали послов громкими криками; по лондонским улицам мелким людям ведено было кричать, а лучшим людям всем быть на встрече. В ответе королевские бояре объявили послам: когда королевское величество был в изгнании, в то время великий государь помог ему казною. Это вспоможенье королевскому величеству памятно, и теперь он занятую казну посылает к великому государю. Послы говорили, чтобы королевское величество сверх этой казны велел бы великому государю дать займы ефимков 10000 пуд, а великий государь велит заплатить товарами, пенькою и поташом погодно, как будет положено в договоре. Королевские бояре отвечали, что это дело великое, скоро его решить нельзя, а король на отпуске сам сказал Прозоровскому: "Я вседушно бы рад помочь любительному моему брату, да мочи моей нет, потому что я на королевстве внове, ничем не завелся, казна моя в смутное время вся без остатку разорена, и ныне в большой скудости живу, а как, бог даст, на своих престолах укреплюсь и с казною сберусь, то буду рад и последнее делить с великим государем вашим".

В бытность свою в Лондоне второй посол, Желябужский, поссорился с Гебдоном; по донесению Желябужского, Гебдон получал деньги из королевской казны на содержание послов и утаивал, давал дурную пищу. На посольском дворе занял себе и детям своим лучшие комнаты: доктору Самуилу и другим немцам, приятелям своим, отвел комнаты хорошие, а дьяку и дворянам дал палатишки тесные, подьячему же отвел такую палатишку, что и войти в нее скаречно. Гебдон говорит, что бояре на

Москве государю не радеют, надобных людей, иноземцев, беречь и взыскивать не умеют; а которые иноземцы худые люди и умеют, жить ложью, до тех бояре добры и казною государевою таких обогащают. И прежде, при царе Михаиле, бояре Иван Бор. Черкасский и Федор Ив. Шереметев худых лживых людей, иноземцев, жаловали: иной за собою сказывал рудознательство серебряное, иной другое мастерство, и тем выманивали много денег, а бояре им давали. Теперь отогнали от архангельской пристани всех торговых людей, и нам, англичанам, и подавно вперед ездить не за чем: какие товары привозили из Московского государства, те все в Английской земле завели. Царские подарки, присланные королю, Гебдон дешешил; о русских людях распускал слухи, что они пьянствуют, выпивают в день по 11 бочек; второго посла, Желябужского, называл брюзгою и будто его дурость ведома всему Лондону.

Гебдон в свою очередь писал в Москву зятю своему, что Желябужский вредит посольскому делу, что король и вельможи и видеть его не могли за его гордость; а как он уехал через Францию в Италию, то король и думные люди хвалят князя Прозоровского за его учтивость. Сын Гебдона писал, что послы приняты с небывалыми почестями по раденью отца его, ежедневно отпускается им от короля по 200 серебряных рублей; только Желябужский унижил государево имя гордостью своею; а князь Прозоровский у короля и вельмож в славе и чести высокой. Доктор Самуил Коллинс писал, что весь двор про князя Прозоровского говорит все доброе, а Желябужский горд, никого не почитает и никому не люб, когда уехал, то оказалось, что мебель в его квартире перепорчена и хоромы все испоганены.

В Москве, однако, как видно, не так смотрели на Прозоровского и Желябужского, как в Англии: не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было снести с герцогом курляндским насчет мореплавания; не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было занять у английских купцов 31000 ефимков. Желябужский обратился к купцам, предложил условие, что уплата будет произведена в Архангельске пенькою и поташом; купцы отвечали, что дадут, но пусть поговорит прежде с *воеводою* лондонским (лордом-мером). Воевода отвечал: "Рад я работать великому государю, стану говорить торговым людям, кто что захочет дать, а иное и сам дам, что смогу". Желябужский обратился и к резиденту Гебдону, чтоб порадел великому государю, промыслил ефимков; но тот отвечал: "Теперь нельзя давать займы: у Архангельска в торгах стала неправда и невольность; если дать займы, то почитай за пропалое. И прежде платеж бывал займам худ, а теперь и спрашивать нечего по нынешним торгам и товарам, добывать мне ефимков негде, и дела мне до этого нет!" Несколько раз потом посылал Желябужский к воеводе и купцам, все обещались прийти, наконец пришли и объявили: "Ефимков нам дать нельзя, потому что товары в Архангельске стали дороги; отдаем здесь

ваши товары дешевле, чем покупаем, да и то никто не покупает; у нас и так много в долгах пропадает на московских людях, а сыску в тех долгах нет".

Желябужский: "По чьему-нибудь нерадетельному умыслу не хотите дать ефимков, да и говорите затаенное дело! Никогда у вас в займах ничего не пропадало".

Купцы: "И теперь у нас много по записям долгов и задатков на московских торговых людях пропадает, а расправы нет. Да и приезд к Архангельску перед прежним стал нам тяжел от голов и целовальников. Если б еще побывал в головах Василий Шорин, а в целовальниках Климшин, то бы и вовсе всех приезжих иноземцев отогнали; таких мы других неправедных людей на свете не видали".

Желябужский: "Все это к моему делу не относится; я прошу теперь займы для великого государя и запись дам, что заплачено будет из царской казны; у вас долги меж своею братиею, и бейте челом на своих должников великому государю; жалуйтесь и на тех, от кого вам тягость и налога в торгах; во всем будет розыск и расправа".

Купцы: "В Архангельске мы всегда о долгах своих и задатках бьем челом и у воевод указа просим; воеводы нам в долгах и задатках расправу чинят, а в обидах от голов и целовальников отказывают, будто им, воеводам, до них дела нет; а как прежде голов и целовальников ведали воеводы, то нам было лучше ездить с товарами".

Несмотря ни на какие увещания со стороны Желябужского, купцы решительно отказали в ефимках. Пришел голландец Артемий-живописец и стал объяснять дело: "Купцы ефимков не дали по наговору Гебдона; он им говорил: не давайте ефимков: если б царю нужно было здесь что-нибудь, то бы он к вам прислал грамоту или бы отписал ко мне". Толмач подтверждал то же самое.

В 1664 году приехал в Москву знатный посол, Говарт граф Карлейль, и, небывалое дело, приехал с женою и сыном. В грамоте своей Карл II извинялся перед царем, что замедлил отправлением торжественного посольства, но выбор такого знатного человека, как родственник его граф Карлейль, должен показать особенное высокое почитание, которое он, король, питает к персоне царского величества. Бояре князь Ник. Ив. Одоевский и Юрий Алекс. Долгорукий да окольный Васил. Сем. Волынский назначены были в ответ; велено быть им в золотах, с образцами низаными, в золотых цепях и черных шапках. Посол объявил наказ королевский: 1) известить великому государю, чтобы он изволил утвердить с королем прежнюю братскую дружбу и любовь: 2) просить возвращения привилегий английским купцам. На первую статью отвечали, что государь братской дружбы и любви с королем очень желает; а на вторую статью последовал отказ: "Торговали англичане в Московском государстве

беспошлинно лет сто и нажились, а узорочных и других товаров, которые были годны в царскую казну, по своей заморской цене не давали: заповедные товары привозили и вывозили тайком; чужие товары провозили за свои, чтобы не платить пошлин: один из купцов Английской компании приезжал в Балтийское море на военном корабле и хотел грабить царских подданных, которые ездят в Швецию для торговли. Мы думаем, - говорили бояре, - что королю все это неизвестно: иначе он не стал бы просить о подтверждении прежних жалованных грамот". "Королю все известно, - отвечал посол, - но теперь он просит привилегий, потому что хочет пожаловать русскую торговлю людей себе верных, от которых никакой неправды в Московском государстве не будет: узорочные товары станут отдавать в царскую казну по заморской цене, товары станут привозить добрые, сукна нетянутые". *Бояре*: "Станут англичане торговать в Архангельске с пошлинами, и королевскому величеству убытка никакого не будет, а царские подданные начнут торговать в Англии, будут платить пошлины прямые, и от того обоим государствам будет прибыль; если же англичане будут торговать в Московском государстве беспошлинно, то царской казне будет большой убыток, а прибыли никакой".

После долгих переговоров и письменных пересылок бояре объявили Карлейлю: "Великий государь, для прошения любезнейшего и вожделеннейшего своего брата, указал английским гостям ездить в Архангельск и из Архангельска в Москву десяти человекам, людям добрым и в правде свидетельствованным и королевскому величеству годным, которых королевское величество изволит выбрать вновь. Эти десять человек могут в Москве двор купить; пошлину с своих товаров будут они платить наравне с другими иноземцами, пока у царского величества с польским королем и крымским ханом война; а как война кончится, в то время царское величество велит английским гостям указ учинить по своему государскому милосердому рассмотрению, как возможно".

Посол был недоволен. "Если, - говорил он, - царское величество привилегий не возвратит, то как между обоими великими государями основанию дружбы быть крепку?"

"А когда король отказал дать займы денег, то ведь от этого дружба не нарушилась", - был ответ.

Карлейль был сильно раздражен неуспехом своего дела и в этом раздражении позволил себе резкие выражения в разговорах и на письме. Так, между прочим, он позволил себе сказать, что московское правительство нарочно запросило так много денег у короля займы, чтобы придраться к отказу и не дать привилегий купцам; ему платили тою же монетою, прямо говорили, что он взял большие деньги с своих купцов и потому так сильно хлопочет о восстановлении привилегий. Чтобы выторговать привилегию, Карлейль предложил посредничество Англии в примирении России с Польшею. Думные люди объявили ему, что государь

согласен и чтобы он, посол, отправил от себя поскорее гонца к польскому королю. "Гонца послать мне трудно, - отвечал Карлейль, - потому что прежним моим делам решения нет; прежде всего надобно восстановить теперь же привилегии английским купцам". "Тебе о привилегиях объявлено, - говорили думные люди, - и перемены в решении не будет". "А если перемены не будет, - отвечал Карлейль, - то я к польскому королю гонца не пошлю и сам не пойду, делать мне там нечего; бью челом великому государю об отпуске. Если бы царское величество королевское прошение исполнил теперь же при мне, то я бы царскому величеству был вечно работником. Послал меня король для этого дела нарочно. Когда я к королевскому величеству приеду и ответ ему царский передам, то он скажет, что такой же ответ дан и Кромвелеву послу, хотя бы он и гонца послал, то и тот такой же бы ответ привез, и думаю, что вперед король наш к царскому величеству великих послов присылать не будет. Жаль, что это дело сделалось не при мне; а если бы порешено было при мне, то я бы смело объявил, что царскому величеству заплатилось бы в десять и в двадцать раз".

Никакие представления не помогли. Карлейль с досадою уехал в Швецию, давши знать в Англию о безуспешности своего посольства. В Москве были уверены, что Карлейль захочет сорвать свое сердце пред королем, и поспешили послать в Лондон стольника Дашкова для объяснений. Если Прозоровский и Желябужский были встречены с небывалыми почестями, то Дашков испытал небывалое бесчестье: ему не дали ни подвод, ни кормов, ни квартиры; на жалобы его отвечали: "Послу нашему Карлейлю была у вас честь обычная, и, о чем было с ним наказано, того ничего не сделали". Дашков объяснил, что Карлейль вел дело не так, как следует: толковал все о возвращении привилегий купцам, называя эти привилегии основанием братской дружбы и любви между обоими государями; но основание братской дружбы между их величествами заключается в их взаимном благожелании, а не в привилегиях: привилегии не могут быть основанием бесценной, дражайшей и светлейшей солнца дружбы и любви между государями, как земля не может быть подошвою солнцу". К Дашкову явился Гебдон с предложением услуг царскому величеству: "Мне с вами говорить не велено, но, помня великого государя милость, скажу по секрету: Карлейль в Швеции заключил договор, чтобы шведскому королю с нашим королем быть в союзе против царского величества; английским купцам к Архангельску не ходить и голландских и других народов кораблей не пропускать, ездить англичанам за русскими товарами в Ригу, Ревель и Нарву и торговать беспошлинно. Король наш говорил с боярами: у русского государя с польским королем война нескоро кончится, а с крымским ханом у него и никогда миру не бывает: так нашим компанейщикам долго ждать. Карлейлева посылка стала королю во многие тысячи, а компания ему за это не заплатит, потому что дело не сделано; для московской посылки из королевской казны дано Карлейлю 20000 рублей". Гебдон хвалился, что он уговаривает вельмож не заключать союза с Швециею против царя, представляя, что России этим они вреда большого

не сделают, а без русских товаров им обойтись нельзя. Король отпустил Дашкова весной 1665 года, велевши заплатить ему 1200 рублей за то, что жил все время на своем.

Во время войны англичан с голландцами царь чрез находившегося у него в службе шотландца, полковника Гордона, дал знать Карлу II, что он запретил продавать голландцам у Архангельска лес и другие корабельные припасы. С ответом явился в Москву в 1667 году старый знакомый Гебдон в качестве чрезвычайного посла королевского. Гебдон объявил о неправдах Голландских Штатов, которые, забыв помощь, оказанную им некогда королевою Елисаветою против испанского короля, начали теперь против Англии войну и поступают в этой войне гордо. Король велел просить царское величество о возвращении привилегий английским купцам, что уже было обещано Карлейлю. Король узнал, что у голландцев, торгующих в России, объявилась фальшивость, и потому велел просить царское величество, чтобы этих голландцев за их обманы и за то, что они королевскому величеству неприятели, приказал выслать из Московского государства. Но потом Гебдон прибавил: "По указу королевскому я объявил о голландцах, чтобы их из Московского государства выслать; но теперь слух носится, что у государя моего с Голландскими Штатами заключен мир: так насчет высылки голландцев полагаюсь я на волю и на рассуждение великого государя".

Сам посольских дел сберегатель боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин написал ответ Гебдону, что видно по хорошо знакомому нам слогу, тяжелому, темному и вычурному: "Всегда от бога данная христианам радость, чтобы они в покое и в умножении торговых пожитков пребывали, а неприятели христианские оттого в страхе были. Ныне в Московском государстве торговые статьи учинены великим рассмотрением, чтоб торговля происходила без ссор и без обиды; прежним компаниям быть не годится, потому что от тех больше ссоры, чем дружбы: открылось, что иноземцы торгуют *подкрадными обидными* товарами, тайные подряды делают и многими долгами русских людей обременяют". Понятно, что Гебдон не был доволен этим ответом: он возражал, что обещание, данное Карлейлю, нарушено; обещано было возвратить привилегию, как скоро прекратится война с Польшею; теперь война прекратилась, а привилегий возвратить не хотят. Никакие представления не были приняты.

Существенный вопрос в сношениях с Англиею был решен, других общих интересов не было. Но когда турки напали на Польшу, то царь Алексей Михайлович по неопытности в европейских делах взялся пригласить всех европейских государей к поданию помощи Польше против врагов креста Христова. С этою целию отправился в Англию переводчик Посольского приказа Андрей Виниус. Ему сказали, что король не может помочь Польше по двум причинам: во-первых, мешает война с голландцами, которая занимает весь английский флот, больше семидесяти военных кораблей; во-

вторых, в Турции живет множество английских купцов, и если король начнет войну против турок, то султан велит всех англичан ограбить или побить. Сверх того, при дворе султана всегда живет английский посол. Вinius впервые внес в свой статейный список известия об образе правления в Англии: "Правление Английского королевства, или, как общим именем именуют, Великой Британии, есть отчасти монархально (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархально есть, потому что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны, или учинения мира, или поборов каких денежных, король созывает парламент или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и хотя что в вышнем доме и приговорят, однако без позволения нижнего дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшего дома. И потому вышний дом может назваться аристократия, а нижний демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить".

Мы видели, что при объявлении войны Польше царь Алексей Михайлович счел нужным уведомить об этом французского короля. Сочли также нужным объявить Людовику XIV и о прекращении войны: в 1668 году отправился во Францию стольник Петр Потемкин с дьяком Румянцевым и представился королю в С. - Жермене. Людовик отвечал, что очень рад прекращению войны и просит всемогущего бога о совершении вечного dokonчания. Будучи в ответе, посланники говорили королевским думным людям: 1) Великий государь желает быть с королевским величеством в братской дружбе и любви. 2) Для подкрепления этой дружбы и любви изволил бы король послать к царскому величеству своих послов или посланников. 3) С обеих сторон торговым людям ходить и торговать во всех городах. Думные люди на эти статьи отвечали следующими статьями: 1) Быть доброму и долговечному покою, соединению и приятству между царским и королевским величествами и их наследниками. 2) Быть во всяком покое и братской любви, честь и славу о себе воздавать во все окрестные государства. 3) Укрепить навеки, чтобы один на другого не наступал и друг другу убытка не чинил. 4) Царского величества людям приходить и торговать во все французские государства с великою вольностию, не платя за приезд ничего; с товаров их пошлину брать, как с других иноземных торговых людей; дома, погребя и анбары нанимать им безо всякой трудности; торговать горою и водою всякими товарами без помешки и дворы строить; брать пошлину только с тех товаров, которые будут в продаже; всякие французские товары отвозить им куда кто захочет. 5) Московским людям, которые будут жить во Французском государстве, налогов и обид не будет; подати платить им, как платят французские торговые люди; для своих расправ держать им своего судью, и службу

божию отправлять им по своей вере со всякою вольностию. б) Французским торговым и других чинов людям ездить чрез Московское государство во все другие окрестные государства и в Персию; проезд им и в вере вольность, так же как и русским людям во Франции; с проезда и отъезда пошлин не брать; с товаров пошлины брать, как брали с Английской компании - половину, и с русских людей за то будут брать во Франции половинную же пошлину.

Посланники не вступили в договор и не дали никакого письменного ответа, послали только сказать думным людям с приставом, что о торговых делах договариваться им не наказано, пусть король отправляет за этим делом свое посольство в Москву. Пришли к посланникам купцы и начали говорить о тех же условиях, какие предложены были и в статьях. "Ступайте для купечества в Архангельск, - сказал им Потемкин, - налогов и обид никаких вам не будет, пошлину возьмут, как с других иноземцев". "Без договора и постановления в такой дальний путь ехать нам не надежно", - отвечали купцы. Тем дело и кончилось.

Несмотря на явно выказанное Людовиком XIV нежелание вступаться в дела Восточной Европы, царь в 1670 году отправил к нему грамоту, в которой извещал, что русские уполномоченные и польские комиссары для заключения вечного мира назначили его, короля, в посредники вместе с императором немецким, королем шведским и датским и курфирстом бранденбургским. Наконец, в 1673 году тот же Виниус, которого мы видели в Англии с требованием помощи Польше против турок, отправился с этим предложением и к Людовику XIV, которого застал на походе во Фландрию; король отвечал, что война с голландцами мешает ему исполнить желание царя.

Не была забыта и далекая Испания. Уже знакомый нам стольник Петр Потемкин ездил в 1667 году в Мадрид; царская грамота, объявлявшая о прекращении войны с Польшею, была написана на имя короля Филиппа IV, но посланник вручил ее преемнику Филиппа, молодому Карлу II. "Имя предков наших, - писал царь, - во всех государствах славится, и Великая Россия от года в год во благих приумножается, многие окрестные государи любительную и спомочную ссылку с нами имеют, а с вами, великим государем, любительные ссылки даже до сего времени удержаны были или за отдалением страны, или по воле всеильного бога, строящего все непостижимо в ожидании лучшего времени". Карл в своей грамоте отвечал, что немедленно отправил послов в Россию, а до тех пор приказал он по всем своим морским пристаням допускать царских подданных к вольной торговле, надеясь, что и царь сделает то же самое для испанцев. Дорога была проложена, и в 1673 году Виниус из Франции заехал в Испанию с известным приглашением подать помощь Польше против турок. Он привез ответ, что Карл II по свойству с королем польским намерен помочь ему деньгами, войском же помочь неудобно по причине дальнего расстояния.

Италия напомнила сама о себе. Венецианская республика в борьбе своей с турками, которая приходилась ей не под силу, искала всюду помощи. Зная хорошо отношения христианского народонаселения Балканского полуострова к России и слыша об успехах царского оружия в польских областях, она в 1656 году отправила посольство в Москву с просьбою, чтобы царь велел донским козакам напасть на турок и развлечь их силы, также чтобы позволил венецианам вольную торговлю в Архангельске. Москве было в это время не до турок: польская война, по-видимому, оканчивалась, но она привела за собою другую войну, шведскую. Денежные средства истощились в Москве, и здесь хотели воспользоваться венецианским посольством, чтобы попытаться, нельзя ли занять денег у республики, слывшей, по старым преданиям, богатою. Осенью того же 1656 года отправились в Венецию морем из Архангельска на голландских кораблях царские посланники, стольник Чемоданов и дьяк Посников, повезли с собою, по обычаю, государевы и патриаршие товары на продажу. В Атлантическом океане 27 октября ночью застигла их буря: многие волны в корабли вливались, и в верхние жилья в окошки валами било, много рухляди помочило: в среднем жилье было воды на аршин и больше, а наверху по пояс человеку, из государевой казны бочку ревеню потопило. В то время на корабле был плач и вопль великий, посланники и все государевы люди начали петь молебен, и буря утихла. Прошла одна беда, впереди ждала другая: против Лиссабона увидали 14 кораблей, приняли их за разбойничьи, варварийские. и приготовились к бою, но оказалось, что идут разных государств торговые немцы из Испании: немцы, однако, сказали, что на Средиземном море к Ливорне гуляют в кораблях турецкие люди. Действительно, проехавши *Узкое место* (Гибралтарский пролив), встретили три разбойничья корабля. Посланники и все русские люди, видя турецких воровских людей нахождение и напуск, всемилостивому Спасу и пречистой его матери молебное пение со слезами воздавали. Разбойники, исирываясь по ветру и устремясь к бою, за кораблями гнались быстрым ходом и догнали, но, увидав на кораблях государевых людей, боевые знамена и осторожность, не посмели напасть и ночью исчезли. 25 ноября посланники приехали в Ливорно, где были встречены с большим почетом. Такой же прием ждал их и во Флоренции, сам герцог Фердинанд посетил их и говорил: "Великий государь ваш пожалует ли моих подданных, торговых людей. велит ли у Архангельска покупать икру и другие товары? А я государскому жалованью и совету рад и, что великому государю в моей державе годно, ни за что не стою, до скончания живота рад служить и помогать". Через Феррару провожал посланников генерал, папский внук; поравнявшись с церковью, он сказал им: "Вот костел св. Георгия, где довершен осьмой собор, начатой во Флоренции". "Тот ли это осьмой собор, - спросил Чемоданов, которого во Флоренции не дал довершить и разогнал св. Марк Ефесский?" "Я не знаю, зачем он во Флоренции не довершен, только знаю, что он довершен здесь, в этом костеле", - отвечал генерал.

В Венеции к посланникам явились греки с поклоном. "Ради мы, - говорили они, - что бог велел нам видеть посланников такого великого восточного

государя, православных христиан нашего закона: пожалуйста, велите нам к вашей милости приходить почаще: пришли мы доложить, когда изволите посетить благочестивую церковь греческой веры? Мы к тому времени велим изготавиться и станем молебен петь о государевом и царевичевом здоровье". "Дадим вам об этом знать, как время будет", - отвечали послы.

Пришли приставы от правительства и объявили, что дож болен ногами и потому посланников примут честные владетели: а в княжом месте сядет старший между ними, которому посланники и подадут грамоту. "Этому быть невозможно, - отвечал Чемоданов, - посланы мы к вашему князю, велено нам его видеть и грамоту подать ему". "Это все равно, - говорили приставы, - дела, о которых писано в грамоте к князю, нам же их делать; князь их не делает и не ведает ничего". "Если князь ваш не делает ничего, - возразил Чемоданов, - если государством правите вы, то вы бы в грамоте к царскому величеству писали имена свои вместе с княжеским". Положили дожидаться выздоровления дожа. Прием последовал 22 января 1657 года; посланники объявили, что государь позволил венецианам торговать у Архангельска повольною торговлею с платою обыкновенных пошлин; касательно же главного дела, высылки донских козаков, сказали: "Великий государь всегда о том тщание имеет, чтобы православное христианство из бусурманских рук высвободилось; только теперь его царскому величеству начать этого дела нельзя, потому что он пошел на неприятеля своего; а как, за божиею помощию, с неприятелем управится, то велит заключить договор с вами, как стоять на общего христианского неприятеля". Наконец посланники объявили главное дело, за которым были присланы, объявили великие неправды шведского короля и что царское величество злему его начинанию терпеть не станет: "Так вашему княжеству и честным владетелям к царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратным людям займы золотых или ефимков сколько можно, и прислать бы поскорее".

Князь и честные владетели нехорошо выразумели: как это московский государь помогать против турок откладывает до другого времени, а денег займы просит поскорее? Для разъяснения дела приехал к посланникам пристав и спросил: "Скажите мне, за то ли государь у нас просит казны, что хочет помочь нам на турка?" "Ты говоришь непристойные слова, простые, - был ответ, - великий государь наш, если изволит послать рать свою на турка, то пошлет для избавления христиан, а не из-за денег. По чьему указу говоришь ты эти бездельные слова: приказал тебе это князь или владетели?" Пристав призадумался и отвечал: "Я это сказал от себя". Когда дело уяснилось, венецианское правительство дало ответ: "Уже тринадцатый год, как мы воюем с турками; разум наш и охота не ослабевают, но казне убыток большой и потому с прискорбием должны отказать царскому величеству; надеемся, что, узнавши бедность нашу, он не прогневается на нас".

Посланники были в греческой церкви, где были встречены с большим торжеством, с радостными слезами. После амвонной молитвы духовенство вышло из алтаря, и один из дьяконов говорил посланникам речь: "Род греческий, живущий в сем преславном граде Венеции, молит вседержителя: дай, господи, чтобы пресветлый, непобедимый, сильный, преславный, благочестивый и благоверный защитник церкви божией восточной, рачитель благочестия, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, утешитель рода христианского, здрав был на многие лета. Как пресветлое солнце восстал он на искоренение тьмы неверия, на соблюдение и соединение благочестивой христианской веры, на побеждение врагов божиих; как второй Константин явился для освобождения верных христиан-греков из рук поганных турок: молим всемогущего бога, чтобы всегда от его царского пресветлого меча мусульманы в порабощении и побеждении были". После обеда греки говорили посланникам: "Ездим мы из Венеции в Турцию со всякими товарами часто и с турками торгуем, многие турки говорили нам: бог дал московскому государю победу над поляками и другими государствами, и у нас в Турции слава о том великая. Султан и паши, сыскав в своих гадательных книгах, говорят, что пришло время и Цареграду быть за русским государем, живут с великим опасением, в Цареграде на долгое время ворота бывают засыпаны; боясь русских, турки начали сильно притеснять нас, греков; но мы надеемся на милость Божию и на заступление великого государя, что он высвободит нас из бусурманских рук". Но прежде греков великому государю нужно было освободить своих, русских, из бусурманских рук: к посланникам в Венеции явилось больше 50 человек русских, освободившихся из турецкого плена; они пришли за милостынею и объявили, что другие их братья, пленники, пошли разными государствами в Москву.

Почетный прием, сделанный Чемоданову во Флоренции, обратил внимание царя, и в 1659 году отправился туда дворянин Лихачев. На этот раз прием был еще лучше: великий герцог Фердинанд Медичи, приняв государеву грамоту, поцеловал ее и стал говорить со слезами: "За что меня, холопа своего, ваш пресловутый во всех государствах и ордах великий князь из дальнего великого града Москвы поискал и любительную свою грамоту и поминки прислал? Он, великий государь, отстоит от меня, что небо от земли; преславен он от конец до конец вселенные, имя его страшно во всех государствах, и что мне, бедному, воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сын - великого государя рабы". Посланника поставили в великогерцогском дворце. Лихачев, подобно Чемоданову, попал в Италию прямо из Архангельска, обогнувши морем Западную Европу; понятно, следовательно, как поразили его чудеса природы и искусства в отечестве Медичи: "На княжьем дворе палаты об осьми жильях, числом их 250, во всех запоны дорогие, столы аспидные, писаны золотом, травы, палаты подписаны золотом, черница золотая, фунтов тридцать, а вместо песку руда серебряная, кресла крыты бархатом. На том же княжьем дворе сад рыбный, рыбы живые, вода вверх взведена сажени с четыре,

устроен Иордан, и выше Иордана сажени с две вверх беспрестанно вода прыгает на дробные капли, а к солнцу что камень-хрусталь. А около княжого двора деревья кедровые и кипарисные и благоухание великое, о Крещенье жары великие, как у нас об Иванове дни; яблоки великие и лимоны рождаются по дважды в год, а зимы во Флоренске не бывает ни одного месяца". Герцог велел приготовить для посланника театральное представление, стоившее 8000 ефимков: "Князь приказал играть: объявились палаты, и быв палата и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилось море, колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а вверху палаты небо, а на облаках сидят люди: и почали облака с людьми на низ опущаться, подхватя с земли человека под руки, опять вверх же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись вверх. Да спущался с неба же на облаке человек в карете, да против его в другой карете прекрасная девица, а аргамачки под каретами как быть живы, ногами подрягивают; а князь сказал, что одно солнце, а другое месяц. И многие предивные молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют". Русского человека изумлял благодатный юг, а южного владельца занимал дальний север, дикая природа с ее естественными первобытными богатствами: "Флоренский князь расспрашивал и смотрел по чертежу про Сибирское государство, и по скольку который зверь плодится, тому роспись взял. А Сибирскому государству и плоду соболиному, что их много, и куницам, и лисицам, и белкам, и иным зверям зело дивились, как их нельзя выловить? А у них никакого зверя нет, потому что места очень гористы, а не лесны, лес все саженьный. Флоренского князя княгиня била челом посланнику, чтобы ей сделали, по русскому обычаю, две шубки, чем ей подарить новобрачную невестку свою, и он шубки сделать велел под камкою и под тафтою: у одной испод горностайный, а у другой белый; и княгиня надела на себя и дивилась, что урядно выделали".

Венецианское правительство, озадаченное требованием Чемоданова, уже не отправляло более посольства в Москву; но московское правительство вспомнило о республике, знаменитой своею борьбою с турками, когда нужно было готовиться к войне с Портою. В 1668 году торговый иноземец Келдерман повез дожу и сенату грамоту от царя, в которой высказывалось удивление, почему они не подают о себе никакой вести, и объявлялось, что великий государь заключил мир с королем польским и союз против бусурман; объявлялось, что в Москве заключен торговый договор с компаниею персидских армян, по которому персидские товары пойдут исключительно через Россию; и есть надежда, что персидский шах обратит свое оружие против турок. Дож и сенат в ответной грамоте благодарили государя и изъявляли желание, чтобы и все христианские государи соединились против турок.

Нападение Магомета IV на Польшу заставило снова царя вспомнить о Венеции. Известный нам Менезиус из Вены должен был захватить в Венецию с приглашением к союзу против турок. Сенат отвечал: "Боже, помоги царскому величеству наступающую неприязнь сокрушить и христианских

государей успокоить". Наконец из Венеции Менезиус поехал в Рим с царскою грамотою к папе Клименту X: "Вам бы, папе и учителю римского костела, к нам, великому государю, отписать: по должности христианской на общего неприятеля брату нашему, его королевскому величеству, войсками своими помогать станете ли? И если помочь захотите, то вам бы к нам обослаться грамотою вскоре, какими мерами, в которое время и в каких местах быть этой помощи, чтобы заключить чрез общих посланников договор. Да и к окрестным государям вам писать же, чтобы и они королевскому величеству были помощниками, а именно писать к Людовику, королю французскому, и Карлу, королю английскому, чтобы они войну с Голландскими Штатами прекратили и войска свои против общего христианского неприятеля обратили".

Приехавши в Рим, Менезиус прежде всего объявил условия приемной и отпускной церемонии: папа должен слушать именованье и титул великого государя стоя, грамоту принять и свою дать также стоя; прежде чем грамота будет запечатана, показать ее посланному для удостоверения, что титул царский написан сполна. Папский церемониймейстер объявил на это свои условия: папа во все время приема и отпуска будет сидеть: посланный должен целовать ногу у его святейшества; указывать папе, чтобы он делал иначе, нельзя. "Ногу папешскую целовать отнюдь мне не велено, - говорил Менезиус, - потому что великий государь наш католицкому римскому закону не повинуется; да и в прошлых годах, когда греки с латинцами были в соединении веры, и тогда греки пану в ногу не целовали. Когда в 1438 году приезжал в Феррару к папе Евгению IV цареградский патриарх Иосиф с митрополитами и епископами, то папа целовался с ними по-монашески, и потом митрополиты и епископы и иные чины целовали его в руки". "Если, - продолжал церемониймейстер, - к папе приедет цесарь или какой другой христианский потентат и ногу папешскую целовать не будет, то папу видеть не может". "Когда так, - отвечал Менезиус, - то пусть папа велит меня отпустить".

Отпустить не согласились, и посланный не целовал ноги у папы, только "наклонили, по римскому обычаю, впрямь до коленного приклонения и вскоре подняли, а голову не наклоняли". Когда Менезиус начал подавать папе царскую грамоту, то его понизили. Папа принял грамоту сидя и, отдав ее первому церемониймейстеру, сказал: "Радуюсь, видя посланника от вашего государя; а что ваш государь в своей грамоте у нас спрашивает, то мы с радостию будем исполнять и вскоре ответ учиним". Когда папа кончил, церемониймейстеры наклонили Менезиуса до папиных колен, и, когда папа, встав, дал всем благословение, Менезиуса понизили на колени. Посланный выговаривал потом кардиналу Алторию, зачем его наклоняли силою? Кардинал отвечал, что все посланники исполняют заведенный при папском дворе обычай и слушаются церемониймейстеров.

Менезиус ездил и к бывшей шведской королеве Христине, принявшей католицизм и жившей тогда в Риме. "Очень рада, - сказала Христина

посланному, - что царское величество изволил прислать к папе: если я чем-нибудь могу радеть в делах государевых, то должна это делать, потому что когда я на королевстве Шведском королевствовала, то между нами был союз, который я буду вечно помнить".

Начали писать ответную грамоту, и тут встретилось непреодолимое затруднение. Менезиусу объявили: "Папа напишет великого государя именование и титул, как они написаны в царской грамоте, напишет свыше всех потентатов: *вельможнейшему*, только невозможно назвать государя вашего царем, потому что царь и цесарь одно и то же слово, и если написать царем, то цесарь и другие потентаты станут на папу сердиться". На это Менезиус показал грамоты императорскую, венецианскую, курфюрстов бранденбургского и саксонского, где государь был назван царем. Но этим не удовлетвоались, папа прислал спросить: что такое царь? Менезиус отвечал: "Как называется папа, цесарь римский, султан турецкий, шах персидский, хан крымский, могол индейский, претиан абиссинский, зареф арабский, колман болгарский, деспот пелопонейский, калиф вавилонский и другие, так точно на славянском языке называется: царь российский". "Как перевести "царь" по-латыни?" - спрашивали Менезиуса. "Перевести нельзя, - отвечал он, - но ведь вы без перевода пишете же латинскими буквами все вычисленные мною названия государей!"

Кардинал Барберини говорил Менезиусу: "Если теперь папа не исполнит достоинства царского величества, то после его кто будет папой из нас, старых кардиналов, тогда царское достоинство будет исполнено; мы, кардиналы старые, к великому государю пошлем грамоту с повинною, напишем именование и титул вполне, только бы теперь великий государь на нас не сердился, потому что папскою властью и словом папским владеет племянник папский, кардинал Алтерий, и делает все по-своему для своей временной гордости, что положит папе на язык, то папа и говорит".

Наконец Менезиуса позвали на тайную аудиенцию к папе. "Зачем ты у меня не хочешь принять грамоты?" - спросил Климент. "Великий государь наш, - отвечал Менезиус, - писал к вам для имени божия и должности христианской о помощи брату его, королю польскому, против общего христианского неприятеля, турецкого султана. Вы, папа и учитель римского костела, великому государю любви своей не оказали, не хотели назвать его царем: а вам, папе и учителю римского костела, должно чинить соединение, а не разрушение". "Невозможное это дело, - сказал папа, - потому что моя братья, прежние папы, этого не делали; у нас было уже заседание с кардиналами, и они мне не позволяют", "Если вы сделаете какую-нибудь грубость царскому величеству, - отвечал Менезиус, - то государь будет писать об этом к другим христианским государствам". Тут папа позвонил в серебряный колокольчик и велел вошедшему маэстро ди камера принести золотую цепь с папским гербом и четки из лазоревого камня. Подавая эти вещи Менезиусу, он сказал: "Дарю тебе на память".

Менезиуса отпустили с обещанием, что папа отправит в Россию посланника для договора о титуле.